

Серж Бэст

16+

Вкус полыни

Серж Бэст  
**Вкус полыни**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

## **Серж Бэст**

Вкус полыни / Серж Бэст — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06401-0

Главным героем книги является семья офицера-пограничника, жизнь которой протекает в сложных условиях пограничных будней, наполненных не только неожиданными, но порой драматическими поворотами. Всем членам семьи доводится пережить столько, что с лихвой хватит на несколько жизней. Одним из таких поворотов является война в Чечне, на которой муж старшей дочери попадает в плен к боевикам, где проходит все круги ада. Но позже, освободив его, семья предоставляет «псам войны» возможность вкусить все прелести неписаного закона гор «о кровной мести», но уже на московской земле...

ISBN 978-5-532-06401-0

© Серж Бэст, 2020  
© ЛитРес: Самиздат, 2020

## Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвёртая	22
Глава пятая	27
Глава шестая	32
Глава седьмая	37
Глава восьмая	42
Часть вторая	48
Глава первая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

## Предисловие

В многострадальной России, основательно обновлённой в 90-е годы, вновь налицо признаки нездоровья. Кислотная среда, образовавшаяся в результате непрекращающихся внутренних катаклизмов, изрядно подъедает все её органы.

Мошенничество и воровство становятся почти нормой в жизни российского общества. Происходит резкое снижение нравственного и духовного уровней жизни её граждан.

Повсеместно вызревают конфликты на национальной почве, давая сигнал обществу об угрозе ему губительными последствиями. С этим жить нельзя, с этим нужно бороться – этот посыл входит всё чаще и чаще в умы многих россиян.

Лучшие умы России неустанно ищут национальную идею, вокруг которой можно было бы сплотить свой народ и победить бесовство, заполонившее сознание многих российских граждан. Но, как часто бывает, ищут не там, где надо, или не видят то, что уже найдено давным-давно.

«Человек начинается с детства», – говорил Сент Экзюпери. Растить и воспитывать, на зависть народам других стран, здоровое, высоконравственное поколение молодых людей – разве эта плохая идея для России? Или может быть эта идея не столь важна, когда речь идёт об основах безопасности страны? Вряд ли так стоит рассуждать.

По глубокому убеждению, Теодора Рузвельта, «воспитать человека интеллектуально, не воспитав его нравственно, – значит вырастить угрозу для общества».

И это действительно так. Вопрос лишь в том, как родителям вырастить порядочного, высоконравственного молодого человека в кислотной среде российского социума, в котором посредством СМИ пропагандируются порок и разврат, где купаются в роскоши «нувориши», а власть порой находится в руках безнравственных и безответственных людей, несущих в себе угрозу целостности обществу?

Наша жизнь соткана из множества событий и тем самым представляет собой цветастое покрывало. Главным является то, как мы реагируем на эти события, как мы осуществляем то, что называется «собственной волей». Выбор, который мы делаем на крутых поворотах своей судьбы, делает нас теми, кто мы есть.

Главным героем книги является семья офицера – пограничника, жизнь которой протекает в сложных условиях пограничных будней, наполненных не только неожиданными, но порой драматическими поворотами. Всем членам семьи доводится пережить столько, что с лихвой хватит на несколько жизней.

Одним из таких поворотов является война в Чечне, на которой муж старшей дочери попадает в плен к боевикам, где проходит все круги ада. Но позже, освободив его, семья предоставляет «псам войны» возможность вкусить все прелести неписаного закона гор «о кровной мести», но уже на московской земле...

История этой семьи является крохотной частью истории бывшей, некогда мощной и угрожающе опасной для всей мировой цивилизации империи, коей являлась страна Советов на протяжении более семидесяти лет. Империи, как известно, не существует долго. Рано или поздно случается их крах.

В 90-е годы предыдущего столетия империя, именуемая Союз Советских Социалистических Республик, рухнула как глиняный колос, предоставив возможность этой семье, как и многим миллионам других семей, доказывать насколько она крепка духом, чтобы выжить в условиях развала и хаоса.

Роман является художественным произведением, но сюжетная линия во многом выстроена на эпизодах, действительно имевших место, что делает его, в определённом смысле, более интересным.

## Пролог

Женщина-почтальон, в возрасте пятидесяти пяти лет, сухая на вид, с виноватым выражением на лице протягивает мне очередную повестку в суд.

– Вам снова повестка в суд! – негромко говорит она. И уже совсем смущаясь, спрашивает:

– Есть надежда, что Валерочку выпустят на свободу?

От этих слов пожилой женщины у меня по телу пробегают мурашки. Я ничего не говорю ей, потому как чувствую, что щемит сердце в груди. Поэтому спешно благодарю её за повестку и спешу к своей аптечке, чтобы принять таблетку валидола.

– Папа, тебе плохо? – заботливо спрашивает меня Элизабет – моя младшая дочь.

– Терпимо, – отвечаю ей.

За период пребывания моей старшей дочери Валерии под стражей, здоровье у меня основательно пошатнулось. Разыскиваю свои очки и принимаюсь читать повестку. Суд над Валерией состоится в конце месяца. Как много же ей ещё сидеть – более трёх недель.

Раздаётся звонок моего мобильного. Звонит Люсия, и первое о чём она спрашивает, была ли мне повестка в суд? Этим самым она подтверждает в очередной раз истину, что нет ничего на свете более чувствительного, чем сердце любящей матери. Исключительной способности своей жены предчувствовать события я уже не удивляюсь. За долгие годы совместной жизни примеров тому получено немало.

На последней встрече Валерия сказала, что невыносимо сильно тоскует по всем нам.

Тарум – её приёмный сын, и в его венах течёт горячая чеченская кровь. У себя на родине, пока были живы его родители, он носил имя Мурат. Идея дать ему зеркальное имя Тарум принадлежала ей. Несмотря на то, что она панически тревожилась за судьбу своего приёмного сына, который со своим дедом Маккхалом помог её мужу выжить, когда он сбежал из чеченского плена, она не хотела лишать его духовной частички, связывающей с малой родиной. Об этом, собственно, просил мужа и дед Маккхал, перед тем как отправить свою душу на небеса.

Когда и как все это началось? Для моей семьи мир раскололся надвое с вводом в декабре 1994 года российских подразделений военнослужащих федеральной группировки войск в Чечню для наведения там конституционного порядка.

Если бы кто-то раньше мне сказал, что война в Чечне коснётся всех нас, и главным образом моей старшей дочери Валерии, я бы никогда в это не поверил. Трудно поверить в то, что твоя дочь-красавица, которую ты лелеял и обожал, взращивал как дорогой сердцу цветок, станет вдруг на тропу войны беспощадным убийцей-мстителем и найдёт при этом в своём сердце утешение и оправдание себя.

Сегодня день её рождения. В этот день я, по обыкновению, рассматриваю пожелтевшие фотографии в стареньком альбоме с бархатной синей обложкой, который подарил мне в канун предстоящего выпуска курсантов военного училища мой отец. Останавливаюсь на своей любимой фотографии, на ней запечатлена мой первенец – трёхгодовалая дочь, сидящая на горшке в зелёной пограничной фуражке.

Затем пересматриваю её свадебные московские фотографии. Красивая и, на первый взгляд, счастливая пара! Валерия – студентка юридического факультета Московского государственного университета, в её смеющихся и радостных глазах ничто не указывает на боль, которую ей ещё предстоит пережить. Алексей – выпускник Московского высшего пограничного училища КГБ СССР. Он крепкий и сильный парень. Из-под ворота его белой рубашки виднеется жетон, на котором выбиты цифры его личного номера...

## Часть первая

### Глава первая

Место рождения своё не выбираешь, это понятно всем. Выбрать можно только «смертушку», но не о ней пойдёт речь.

Родился я не в Ясной поляне и не на кожаном диване, как Лев Толстой. А родился я на топчане, укрытом пуховой периною, в избе-гармошке, стоявшей в центре маленькой деревушки, которая растеклась по лесному увалу избами и домами, рубленными в венец и лапу в стародавние и нынешние времена.

Деревушку эту обосновали в далёкой Сибири переселенцы из Белоруссии в конце 19 века. Строительство первых изб ими было закончено в зиму, аккурат в праздник Покрова Богородицы, поэтому и деревню назвали «Покровкой».

Моих пращуров называли «самоходами» и «чалдонами». Отец мой был «самоходом», а мать «чалдонкой». Родители отца появились в этих местах связи с проведением в России столыпинской реформы по переселению. Родители же матери были потомками первопроходцев Сибири. Чалдоны не любили самоходов, которые, в свою очередь, платили им тем же, называя их «чалдонами-желтопузами» из-за их пристрастия к обильному чаепитию. Однако, так или иначе, семья, в которой суждено мне было родиться, вопреки расхожему мнению, была создана по любви, и как это бывает в жизни, через девять месяцев на свет появился я. По счастливому стечению обстоятельств появился в качестве подарка своей матери к Международному женскому дню восьмого марта.

Имя себе я выбрал сам. Моя бабушка Саня, сидя у зыбки, перечисляла по памяти известные ей имена мальчиков, и я ей своим плачем дал знать, какое имя мне понравилось. Так, я стал Семёном.

С теплотой и обожанием вспоминаю свои детские годы, проведённые в деревне. Закрыв глаза, вижу свою бабулю, сидящую в горнице с веретеном у окна, и слышу её монотонное пение:

Ох, как на крыше верабей,  
Да, он сидит чиликает,  
Ох, майей мамки дома нема,  
Не кава бояться...

И вслед за пропетым куплетом несётся её призывный возглас:

– Сёмка, вставай! Ходь (иди) ко мне на кухню, а то исть (кушать) мне одной морготно (скучно), да и табе (тебе) пора в школу тикать (идти).

Я встаю, иду за печку, бью ладошками по мокрому соску рукойника и умываюсь. Выхожу с рушником в руках.

– Бабушка, ты чё (что) так говоришь? Учительница кажет (говорит), что из-за тебя, и я кажу неправильно.

– А пошто (почему) она скёт (стучит) ногами?

– Я ей прибаутку бабы Дуни казал.

– Кажи (расскажи) ее и мне.

– Слухай. В одной семье не любили сноху-чалдонку, – начинаю я. – Однажды тятка спрашивает своих дочек: «Кто набздел в хате?» А те ему отвечают: «Это сноха». – Так её же нет в хате? – А это её андарак (юбка) бздит.

Бабушка долго хохочет, потом называет меня почему-то «поташенком» и теребит мой чуб.

– Заес (заяц) упрел в чугушке, будешь его исть (кушать)?

– А откуда взялся у нас заес?

– Дед Яшка его вчерась (вчера) петлей словил.

– Не, я буду только калач и молоко.

Я быстро завтракаю, надеваю белую заячью шубку, валенки, шапку, перекидываю через плечо сшитую мне бабушкой холщевую сумку с букварём и тетрадками, беру в руку таз и выскакиваю на улицу. Выбегаю на берег реки, сажусь в таз и, крутясь волчком, съезжаю на лёд. Дальше карабкаюсь на противоположный берег, и я в школе.

Учусь я в первом классе понарошку. Бабушка договорилась с учительницей, чтобы та взяла меня в школу, потому как все мои друзья пошли в первый класс, а мне не хватило одного года. А уж на следующий год, когда мои родители закончат свою работу в сейсмологической партии и обоснуются в районном центре, то я пойду в первый класс со своими сверстниками.

Школа, в которой я учусь, четырёхлетка. Первый класс занимается в одной комнате с четвёртым, а второй с третьим. Меня уже дважды ставили в угол. Один раз за то, что на уроке рисования я подошёл к своему другу из четвёртого класса, у которого была контрольная работа по математике, а второй раз за рожницы, которые я ему строил.

На следующей неделе намечена свадьба моего дядьки Гришки. Деревня по этому случаю будет гулять несколько дней. Моей бабушке поручено сварить четыре фляги пива. Она варит его уже две недели, поэтому я, чтобы не мешать ей, живу у дедушки Якова и его снохи Марфы.

– Сёмка, ты поедешь со мной проверять петли на зайцев? – спрашивает меня с утра дед Яшка.

– Конечно, поеду, – отвечаю ему.

– Тогда собирайся. Твои валенки на печи.

– А на чём поедем?

– На рыжей кобыле. Запряжём её в сани и поедем...

Ставить петли на зайцев и силки на куропаток мы с дедом обычно ходим пешком в ближайшие колки. Зайцев и куропаток развелось ныне много, и мы всегда с добычей. Но сегодня нам надо поймать больше обычного, потому как на носу свадьба Гришки, его младшего сына, и гостей будет много.

Мой отец называет деда Яшку ведуном-молитвенником, потому как он знает много лечебных молитв и оказывает помощь всем деревенским. Дед Яков-старовер, он поклоняется отцу небесному – богу Сварогу и каким-то другим богам, а не одному богу Христу, как другие селяне. Он молится им перед сном и утренней звездой. Моя бабушка боится деда Якова, хотя он ей ничего плохого не сделал. Она говорит, что он знает с упырями и лесными берегинями. Дед не любит, что бабушка сквернословит и шутиливо пугает её порчей.

Я же деда считаю добрым волшебником. У него длинная седая борода, взгляд умный и пронзительный. Он никогда не сквернословит, как это делают другие деревенские мужики, речь его спокойная, голос певучий.

Для своего колдовства дед Яшка собирает из семи родников, находящихся в излуцинах реки, родниковую воду. Он набирает её в глиняные кринки (кувшины), затем смешивает и толчёт в ступе, чтобы она была истинно чистой и наполнена новой энергией. Когда она становится таковой, он расписывает её поверхность специальной палочкой – трезубом, вырезанной из священного дерева, которую называет «Яви-Нави-Прави».

Заговорив эту воду, он раздаёт селянам, но только тем, кто верит в её чудодейственную силу, а уж они добавляют её в свои домовые бочки. Сам дед Яшка использует её, когда лечит людей, которых укусили змеи в период сбора ими клюквы или брусники на болотах, а также

от сглаза и напущенной на них порчи: заикания, недержания мочи, куриной слепоты и другой гадости.

Гадюк и прочих змей дед не боится. Он ловит их руками и затем удаляет из них яд. Носит он их для забавы на себе, под холщовой рубахой, и этим самым шокирует селян.

А ещё дед Яшка заготавливает в определённое время в лесу специальные чурбаки, освещает их своими молитвами и делает из них баклуши разных размеров, которые затем раздаёт мужикам, чтобы те вырезали из них игрушки и обереги для своих детей. Мне же он сделал двух коньков, которые будут оберегать меня всегда...

День выдаётся явно пригожий. Снег ослепительно блестит на солнце. В лесу тишина и покой. Зайчишка в это время отдыхает, забившись в коряги, после ночной кормёжки в осиннике.

Ехать нам предстоит немного, версты четыре. Рыжуха, молодая кобыла, резво бежит, таща небольшие аккуратные сани, сделанные дедом специально для охоты. Я гляжу на заснеженные поляны, перелески, овраги, меж которых, скрытая под толщей льда течёт речушка с кротким названием «Ик» и у меня радостно на душе. Я чувствую природную красоту окружающего меня мира. Мне не ведома другая красота, в сравнении с которой я до конца смог бы постичь эту, данную мне с рождения. В первозданности детского восприятия, красота родных мест предстаёт предо мной во всём своём великолепии, от неё в груди поднимается неопиcуемый восторг.

Я стою в санях, как и дед на коленях, держа в руках деревянный автомат с круглым магазином и звонкой металлической трещоткой, который изготовил мне отец в последний свой приезд домой.

Я усиленно верчу головой по сторонам в надежде, что увижу свой главный охотничий трофей – лису и поражу её метким выстрелом из своего автомата.

Выезжаем на поле, затем спускаемся в открытую луговину, снова поднимаемся в гору. Там, на горе, виднеется продолговатый колок, в котором мы поставили большую часть своих петель и капканов.

Выезжаем на гору... И тут я вижу, что вдали на опушке леса стоят пять больших собак. Но, что-то меня пугает. Нет, это не собаки, проносится в моем сознании. Это волки! Тяну деда за рукав тулупа.

– Деда, это волки?

Дед вместо ответа останавливает кобылу и с досадой протягивает:

– Вот незадача какая. Забодай вас всех казел (козёл). Пovyбегали...

Рыжуха – кобыла молодая и трусливая. Она пятится назад и застывает за оглоблю. Дед дёргает вожжами, пытаясь развернуть её. Но Рыжуха не может перешагнуть назад оглоблю, от страха храпит и бьёт копытами.

– Сёмка, внучок, держи вожжи в натяг, – кричит мне дед, выскакивая из саней.

Волки быстро бегут к нам.

Дед невероятным усилием своих старческих рук насилу вталкивает Рыжуху в оглобли и падает в сани. Кобыла разворачивается и с места берёт в карьер.

Волки быстрыми скачками бегут к нам, наперерез саням. Мы успеваем проскочить. Они бегут позади саней, вытянувшись цепочкой. Впереди большими скачками отмахивает крупный, с оскалившейся пастью волк. Несомненно, это вожак. Уже метров пятнадцать отделяет его от наших саней.

– Сёмка, внучок, подлезай ко мне ближе, – подзывает меня дед.

Он прижимает меня к себе, не выпуская из рук вожжей, и принимается читать молитву: Николай, угодник Божий, помощник Божий.

Ты и в поле, ты и в дороге, ты и на небесах.

Заступись и сохрани раба младого Семёна,

От зверя лесного, лютого...

Вожак обходит сани, примериваясь к Рыжухе. Он не рычит, не пугает, он просто смотрит на неё своими жёлтыми немигающими глазами.

Дед привстаёт и, держась левой рукой за укосину саней, хлещет жоака кнутом. Тот, лязгая зубами, прыгает в сторону, сбиваясь с бега... Сзади на него налетают другие волки. Вся стая кружится вокруг него. Он ощеривается, бьёт клыками одного, другого... И показав им свою силу и злость, снова, вырвавшись вперёд, легко догоняет наши сани.

Дед вновь привстаёт, хочет ещё раз огреть кнутом жоака, но тот отбегает от саней подальше. С другой стороны, обходит сани волчица, у неё разорвано ухо, но тот же, немигающий, жёлтый свет её голодных глаз.

– Сатанинское отродье! – ругается на неё дед.

Я высовываю голову из-за его спины – до деревни остается совсем немного, уже слышится лай деревенских собак.

Вожак выравнивается с Рыжухой и прыгает на неё. Рыжуха шарахается в сторону, в сугроб... Сани переворачиваются: оглобли сворачивают хомут, он захлестывает Рыжухе горло. Она хрипит и бьётся в оглоблях. Волчица, настигшая её, с другой стороны, прыгает на неё и впивается клыками вбок.

Мы с дедом вываливаемся под ноги отставшим трём волкам. Один из них с ходу впивается клыками в тулуп деда и тут же получает от него удар японским штыком в брюшину. Зверь кружится от боли на окровавленном снегу, жалостливо визжа. Два других на какое-то мгновение отскакивают от нас.

Я, воодушевлённый решительными действиями деда, принимаюсь крутить трещотку своего деревянного автомата, при этом кричу что-то несурзное. Я расстреливаю волков, представляя, что это фашисты, внезапно напавшие на нас.

Волки, заслышав неожиданный для себя металлический треск, трусливо поджимают хвосты, и, оставив нас, быстро бегут в сторону леса...

– Деда, миленький, мы победили фашистов? – плача навзрыд спрашиваю я его.

– Да, внучок. Мы их победили. Никола-угодник, твой заступник, не оставил нас в беде. Пойдём быстрее домой, мне нужно объяснить всё своим богам и просить их, чтобы они простили мне измену...

– Какую измену? – спрашиваю я.

Но мой вопрос тонет в безмолвии. Дед, молча, высвобождает из упряжки раненую кобылу, и мы идём к деревне, держа под уздцы перепуганное до смерти животное.

Вечером этого же дня дед Яшка неожиданно заболевает. Узнав об этом от своей бабушки, я спешу к нему.

Дед лежит в горнице на кровати, во всём чистом и белом.

– Деда, ты же не умрёшь? – заподозрив неладное, спрашиваю я его.

– На все воля божья, – отвечает он мне явно слабым голосом. – Сёмка, не забудь, что ты отныне должен почитать своего спасителя Николу-Чудотворца – он самый старший среди святых. Его я просил в своей молитве спасти нас от волков, так как он не только истребитель змей, но и волчий пастырь.

– Хорошо, я буду его почитать, – клятвенно обещаю я деду.

Утром следующего дня дед Яшка умирает. Свадьбу Григория переносят на осень.

Я долго горюю по своему любимому деду и этим пугаю свою бабушку, поэтому она, тайне от моих родителей, решает свезти меня в район и там крестить в небольшой церквушке.

У попа, окрестившего меня, я спрашиваю:

– Есть ли в вашей церкви икона Николы-Чудотворца?

Он мне указывает на икону, стоящую рядом с иконой Бога Христа. Никола-Чудотворец мне нравится. У него такая же, как у моего деда, аккуратная белая борода, высокий лоб, выступающие скулы, карие глаза и смуглая кожа.

– Расскажите мне о нём, – прошу я попа.

Поп улыбается мне и принимается рассказывать о Николе-Чудотворце. Из его рассказа я узнаю, что это самый почитаемый святой и по значимости он приближается к почитанию самого Бога Христа. Ещё при жизни Никола в одном из своих морских путешествий воскресил моряка, сорвавшегося с корабельной оснастки в шторм и разбившегося насмерть.

– Никола-Чудотворец спас меня и деда от волков. И ещё мой дед говорил, что он их пастьерь, и поэтому они послушались его, – доверительно сообщаю я ему.

По дороге обратно в деревню, у меня никак из головы не выходит рассказ попа о том, что Никола-Чудотворец воскресил моряка. И уже вечером я интересуюсь у своей бабушки.

– А это правда, что Никола-Чудотворец оживил умершего моряка?

– Правда, внучок!

– Тогда он может оживить и дедушку Яшку. Я попрошу его об этом.

Бабушка моя задумывается, затем молвит:

– Не надо его оживлять, он в раю, ему там сладко. А ещё я боюсь живых мертвецов...

Свет, падающий от керосиновой лампы на её старческое лицо, причудливо отражается дрожащими тенями на стене и пугает меня.

– Я тоже их боюсь, – признаюсь я, и подсаживаюсь к бабушке поближе.

Она прижимает меня к себе со словами:

– Когда смерклось непотребно говорить о покойниках. Нехай (пусть) им будет гарно (спокойно).

– Нехай! – соглашаюсь я с нею...

## Глава вторая

– Сэмэн, – слышу я вопль своего друга «Расы», с которым уже второй сезон подряд отдыхаю в пионерском лагере.

«Сэмэн» – это моё прозвище, а «Раса» – это прозвище моего азербайджанского друга Расима, с которым я учусь в одном классе, несмотря на то, что он старше меня на целый год. Раса отстал от учёбы по причине того, что в четвёртом классе в мушкетёрском бою потерял свой правый глаз. Его деревянная шпага не выдержала натиск шпаги противника, сделанной из металлического прута, и он получил жестокое увечье.

Отдыхать в пионерском лагере нам нравится: живём в палатках, кормят нас «от пуза», ходим в походы, ловим рыбу, играем в футбол. Ну, а так как мы уже восьмиклассники, то частенько поглядываем в сторону девчонок нашего отряда. Хотя, честно признаться, мне и Расе больше нравится пионервожатая Таня – студентка второго курса медицинского училища.

Свой восторг её пышными формами мы всегда выражаем в период дневных купаний одним и тем же способом – подныриваем по очереди под неё и трогаем её за интимные места. Мы знаем, что Тане это нравится, и поэтому она не жалуется на наше поведение директору лагеря, как это делают другие пионервожатые.

Хотя порой она ведёт себя довольно-таки смешно. В последний раз, когда я поднырнул под неё и залез к ней рукой в трусики, она заявила, что в обед не даст мне добавки компота. Своим заявлением она так сильно рассмешила меня, что я со смеху нахлебался изрядно воды и едва доплыл до берега.

– Что кричишь, Раса, как резанный? – спрашиваю я своего друга, высунув нос из отрядной палатки, в которой проходит турнир по шахматам с моим участием.

– Сёмка, твоего отца «чечены» (сленг) убили! – успокоив дыхание, выпаливает Расим. – Моя мамка видела собственными глазами, как два здоровых чечена напали на отца сзади и ударили его булыжником по голове. У него из пробитого черепа полилась кровь, а изо рта пошла пена...

От этих его слов у меня льют из глаз горькие слёзы, от которых вокруг всё меркнет. Как убили? У меня теперь что, не будет больше отца?

В полном отчаянии я бреду на берег реки, к большой раскидистой иве – любимому нашему с Расимом месту. Вслед за мной плетётся и мой верный друг Раса. Мы залазим с ним на дерево и устраиваемся в развалинах его кряжистого ствола.

– Я найду этих чеченов и тоже убью их, – решительно заявляю я. – У них на Кавказе есть обычай мстить своим кровным убийцам, так пусть знают, что отныне такой обычай есть и у нас. Я отомщу им по их законам гор и сделаю это сегодня.

Я спрыгиваю с дерева и направляюсь к реке в готовности переплыть её, несмотря на то, что я ещё никогда её не переплывал. Река, в наступивших сумерках, зловеще шумит своими быстрыми водами. Но мне не страшно. У меня есть цель и меня не остановить!

– Я иду с тобой! – слышу сзади голос Расима. – У нас в Азербайджане тоже мстят своим врагам. Я хочу отомстить чеченам за свой потерянный глаз.

– Они-то здесь причём? – удивлённо спрашиваю я.

– Я тебе раньше не говорил, но тот парень, который мне выколол глаз, был чеченом, – врёт он мне. – Но, если бы твоего отца убили не чечены, а другие, я также бы мстил им за него вместе с тобой. Бандиты они есть бандиты, где бы они ни родились! – заключает Раса.

– Спасибо! – проглатываю я комок в горле, вызванный неожиданным признанием своего друга.

Знаю, что Раса сказал неправду. Парень, с которым он сражался на шпагах, такой же русский, как и я. Но для него это не имеет значения. В тот год, когда он потерял свой глаз, в

нашем посёлке после просмотра фильма «Три мушкетёра» не было ни одного пацана, который ни ходил бы по улицам со шпагой в руках. Со шпагой ходил и я, но мне везло, у меня были лишь синяки и многочисленные царапины, которые я замазывал зелёной. Однажды моему отцу надоело видеть перед собой «зелёного человечка», и он сломал о своё колено мою шпагу. Потом случилась беда с моим другом Расой, и все родители, испугавшись за здоровье своих чад, «посадили их на цепь».

Мы подходим к реке и входим в неё, не снимая одежды. Отплыв несколько метров, я осознаю, что переплыть эту речку в одежде будет чрезвычайно трудно. Зная, что Раса плавает хуже меня, кричу ему:

– Раса, возвращайся назад, тебе не переплыть.

Но Раса молчит и яростно гребёт руками. С трудом доплываем с ним до середины реки.

– Давай не будем плыть против течения, иначе утонем, пусть лучше нас сносит, – кричу я ему, глотаю при этом воду и с трудом откашливаюсь.

Плыть становится всё труднее и труднее, руки и ноги деревенеют полностью. В голову лезет предательская мысль – утонем, не доплывём...

На наше счастье нас замечает рыбак, сидящий с удочкой на берегу, который, не раздумывая, входит в воду и вытаскивает нас на прибрежный песок, как мокрых котят, беспомощно барахтающихся в воде и готовых в любое мгновение уйти на дно реки.

Рыбак быстро разжигает костёр. Мы стягиваем с себя мокрую одежду и пытаемся выжать её своими окончательно ослабленными руками. Наш спаситель снимает с себя куртку и тельняшку и подаёт их нам.

– Наденьте эту одежду и садитесь ближе к костру!

Мы благодарим его и усаживаемся на бревно у костра.

– По какой причине сбежали из лагеря в самоход? – спрашивает он.

– У меня чечены убили отца, – отвечаю ему. Про свои намерения отомстить им я умалчиваю, так как с детства не приучен болтать языком лишнее.

– Не расстраивайся, парень, твой отец жив, он сейчас в больнице. Это я точно знаю, у меня там жена работает медсестрой.

На душе у меня сразу становится легче. Однако, несмотря на утешительную весть, полученную от рыбака, от мести чеченам, напавшим на моего отца, я не отказываюсь, и жду лишь, когда подсохнет моя одежда, чтобы начать их поиски. Одежда на удивление подсыхает быстро, также быстро закипает и вода в котелке для чая. Чай у рыбака с добавками лесных трав и листьев смородины. Такой всегда готовит мой отец, когда мы выезжаем с ним в поле, при этом листья душицы и жёлтые цветы зверобоя – обязательные его компоненты.

Рыбак достаёт из солдатского вещевого мешка кусок сала, ржаной хлеб, несколько солёных огурцов, режет всё это ножом на дне перевернутого ведра, на котором он сидел, и приглашает нас к импровизированному столу. Потом, словно спохватившись, снова ныряет в свой мешок и достаёт оттуда пол-литровую бутылку самогона, настоянного на кедровых орехах.

– Выпейте по одному глотку моей настойки, больше вам нельзя. Это для того чтобы вы не заболели.

– Фу, – морщусь я, проталкивая в себя эту противную жидкость, которая сразу же разливается теплом по всему телу.

У Расы получается немного лучше, ему весной прошлого года пришлось вкусить медицинский спирт, тогда он провалился в незамерзшую полынь на реке.

Рыбак, увидев наши кривые физиономии, раскатисто смеётся.

– Теперь вы точно не заболите.

Распроставшись со своим спасителем, до посёлка мы с Расой бежим «сломя голову», ибо алкоголь внёс в нашу кровь изрядную дозу адреналина. По дороге отыскиваем толстые палки и вооружаемся ими. Мы вновь заряжены на месть.

Центральная часть посёлка встречает нас пустынными улицами, на которых не видно ни единой живой души. Поиски чеченов на улицах посёлка остаются безрезультатными. У нас остаётся единственное место, где мы ещё не были – это районный сад. К нашему великому разочарованию, и он оказывается тоже безлюдным. Но вот наш взор неожиданно натывается на силуэт мужчины, сидящего со спущенными штанами под раскидистым клёном у забора.

– Это точно чечен, – шепчет мне Раса.

– Гадить в саду может только чечен, – безоговорочно соглашаюсь с ним я.

– Смерть чеченам! Смерть чеченам! – громко скандируем мы свой боевой клич и набрасываемся на сидящего под деревом бедолагу, нанося ему остервенелые удары палками.

Выбранная нами жертва какое-то время находится в бездействии, но затем, грозно рыча в наш адрес проклятья, бросается в атаку. Уклонившись от очередного удара моей палки, мужчина успевает нанести мне сильную оплеуху, от которой я лечу на несколько метров в сторону. Однако развить успех ему не дают спавшие вниз штаны, и он кулем валится на землю, где сразу же получает порцию ударов палки от моего мужественного друга Расы.

– Я русский, русский я..., никакой я не чечен, – истошно вопит горемыка.

Мы убегаем из сада охваченные восторгом одержанной нами победы. Однако, спустя некоторое время, успокоившись, понимаем, что это мужик не был чеченом, он был просто русским засранцем. И мы возобновляем свои поиски.

Спустя час, Расу посещает гениальная идея – чечены живут в поселковой гостинице. Их нужно искать там. И мы идём к гостинице. Нам сразу везёт, в окнах угловой комнаты на первом этаже мы видим тех, кого так долго ищем. То, что это те самые чечены, у нас сомнений нет, на это указывают их лохматые, заросшие спины и чёрные бороды.

Мы долго рассуждаем как убить хотя бы одного из них, но, так и не находим решения. В итоге вооружаемся гранитными булыжниками и, дождавшись, когда в комнате гаснет свет, забрасываем их кровати камнями. Сквозь шум разбитого оконного стекла слышим их гортанный рёв.

– Раса, быстрее уносим ноги! – кричу я ему, и мы стремглав покидаем поле нашей брани. Отбежав далеко в сторону, успокаиваемся, и только после этого идём ко мне домой.

У ворот дома видим узик директора пионерского лагеря и нам с Расимом становится понятно, что нас ищут. Входим в дом, в комнате мать и директор пионерского лагеря Анатолий Федорович. Мать, громко причитая, всплёскивает как лебедь руками.

– Сёмка, что ты делаешь? Ты нас всех пугаешь. С папой уже все хорошо, он пришёл в сознание.

– Я знаю, нам рассказал об этом один рыбак, у него жена работает санитаркой в больнице, – делаю непростительную ошибку я.

– Вы что переплыли реку? В одежде? – срывающимся на хрип голосом спрашивает директор лагеря, пронизательно глядя мне в глаза.

Я туплю свой взгляд в пол.

– Нет! Нас перевёз на лодке рыбак, – стараюсь как можно уверенней соврать я. Однако вижу по лицу директора лагеря, что он мне не верит.

– Мы забираем детей! – говорит он моей матери. – Не беспокойтесь за Сёмку! Вам сейчас нужно больше внимания уделить уходу за мужем.

Мы садимся с Расой в директорский узик и возвращаемся в лагерь. Лагерь уже спит, не спит только наша вожатая Таня. Лицо у неё явно заплаканное, видимо ей крепко досталось за наш побег из лагеря. Однако, завидев нас с Расой, лицо её светлеет. Мы подходим к ней и как воспитанные мальчики извиняемся за то, что без спросу ушли на речку. Она сначала смотрит на нас, потом на директора лагеря, после чего командует:

– Чистить зубы и спать!

Ночью мне не спится. Мать говорит, что состояние здоровья отца улучшается, но мне почему-то в это не верится. Утром пойду к директору лагеря, отпрошусь, чтобы съездить на велосипеде к отцу, – решаю я.

Утром Анатолий Федорович внимательно выслушивает меня, после чего объявляет, что к отцу я поеду вместе с ним в час послеобеденного сна. Оказывается, что он с моим отцом и матерью работали вместе в геодзической партии. Моя мать была сейсмологом, а он, как и мой отец, был подрывником. Они закладывали в шурфы, отрытые в земле на большой глубине, заряды аммонита, а затем их взрывали, и моя мать выявляла по приборам наличие пустот в толще земной коры. Таким образом, они искали нефть в болотах западной Сибири.

Обрадованный решением директора, я стремглав бегу к себе в палатку и сообщаю эту новость Расе. Затем мы идём с ним, а также с нашей пионервожатой Таней собирать лесную клубнику для моего отца на полянах, недалеко от нашего лагеря.

Отец выглядит похudevшим и болезненным. У него тяжёлое сотрясение мозга. Я прижимаюсь осторожно к его груди и затем целую в щёку, заросшую жёсткой щетиной.

Из разговора отца с Анатолием Федоровичем становится понятным, почему чечены напали на него. В тот день он ремонтировал в гараже служебный уазик, на котором они должны были поехать с военкомом по делам службы. Когда он зашёл в здание военкомата, чтобы сообщить комиссару о готовности машины к поездке, то увидел двух чеченов, которые что-то гневно кричали в адрес военного комиссара, а потом один из них сильно толкнул его в грудь, в результате чего тот упал на диван.

Отец, не раздумывая ни минуты, вступился за военкома и силой выдворил представителей Северного Кавказа из здания военкомата. Те, в свою очередь, озлобились на него, подкараулили, когда он шёл с работы, и нанесли ему удар гранитным булыжником сзади по голове. Проходящие мимо прохожие незамедлительно вызвали машину «Скорой помощи». Отца доставили в больницу, а в отношении нападавших чеченов милиция возбудила уголовное дело...

Отца наконец-то выписывают из больницы. Он ещё некоторое время не работает, так как находится «на больничном». Он ещё слаб, и я по-прежнему помогаю матери управляться с домашним хозяйством.

Придя из школы, я неожиданно для себя застаю у нас дома этих самых чеченов, с которыми о чём-то беседует отец. Один из них – огромный лысый верзила с чёрной бородой, а другой – поджарый со злым лицом, испещрённым следами оспы. Я спрашиваю у матери:

– Зачем они здесь?

– Займись лучше своими уроками, – бросает она мне в ответ, давая тем самым понять, что это не моего ума дело.

Я обижаюсь и ухожу в комнату к бабушке, где уже более получаса, с момента прихода чеченов, в изоляции пребывает мой младший брат.

Бабушка доверительно сообщает мне, что чечены пришли просить отца, чтобы тот написал им прощение, но отец не хочет этого делать.

В следующий раз появление чеченов на нашей улице издали замечает мой младший брат и сообщает мне об этом. Нам ясно, что они вновь идут к нам. Мы с братом быстро бежим в сенцы дома. Я хватаю табурет, на котором отец всегда рубит пыжи, когда заряжает патроны для охоты, и ставлю его сбоку у входной двери.

– Принеси мне круглое берёзовое полено, – прошу я своего младшего брата. – Чечены сейчас получают от нас по голове.

Брат бежит во двор к поленнице, но не успевает, я слышу скрип входной калитки.

– Эх, опоздали! – вырывается у меня.

Но тут мой взгляд натывается на двенадцатикилограммовые гантели отца, лежащие в углу. Их моя мать нередко использует в качестве гнёта при засолке капусты. Я спрыгиваю со стула, хватаю одну из них и вновь пытаюсь встать на стул, но теряю при этом равновесие. Стул делает крен, и я падаю вместе с гантелей на пол. Услышав шум в сенцах, отец распахивает дверь и видит меня, корчащегося от боли. Ему становится понятным, чем вызвано моё падение. Он берёт меня на руки, вносит в спальную комнату и кладёт на свою кровать.

– Скажи, сын, нападение на чеченцев в гостинице твоих рук дело? – спрашивает он меня. Я, молча, киваю ему в ответ головой.

Раздаётся стук в дверь. Отец выходит в коридор. Это пришли чечены. Я прислушиваюсь к их диалогу.

Чечены: мы принесли тебе деньги, много денег. В милиции сказали, что нужно прощение от тебя.

Отец: мне не нужны ваши деньги. Я ничего писать не буду, и не приходите больше ко мне. Придёте ещё раз пожалеете об этом.

Чечены: Не пугай нас. Ты сам виноват. Ты напал на нас в военкомате.

– Ах, вот как! – слышу я гневный возглас отца и следом какой-то грохот.

Я выскакиваю из спальни и вижу лежащего на полу верзилу с окровавленной головой, и отца с разбитой табуреткой в руке, склонившегося над вторым чеченцем, сидящим у печи. Тот, закрыв свою голову руками, что-то бормочет на своём языке.

– Тащи своего друга во двор, там увидишь ведро с водой, смой с него кровь. Если сунетесь назад в дом, то получите по пуле в лоб. Всё! Наш разговор окончен, теперь мы в расчёте, – кричит им вслед мой отец. – Заявление я из милиции сегодня же заберу.

Чечены уходят. Отец идёт к своему ружейному шкафу, стоящему в углу за комодом, достаёт из него охотничье ружье и говорит мне:

– Всё, сынок! Расчёт с них получен. Выкинь из своей головы мысль о мести за меня. Я сам разобрался с ними.

– Папа, ты правильно все сделал. Пусть знают наших, а то совсем обнаглели! – восторженно говорю я.

Побыв некоторое время дома, я убегаю сообщить эту новость своему другу Расе. Всю дорогу меня раздрает гордость за своего отца. Какой он у меня молодец!

Жаль, что моя мать так не считает. У женщин свои представления насчёт того, насколько хорош её муж. Ссорятся мои родители нечасто, ибо мать умная женщина и не докучает своему мужу, несмотря на то, что она совсем нетерпимо относится к его мужским шалостям, которые иногда имеют место быть. В их семейных спорах я всегда на стороне матери, может потому, что я у неё первенец и родился к тому же восьмого марта.

Кем я буду, когда вырасту, я не знаю. Мать советует мне, чтобы я после десятилетки, вместе с моим двоюродным братом Геннадием, поехал поступать в Красноярское художественное училище имени Василия Ивановича Сурикова. Ей очень нравятся несколько рисунков, нарисованные мной маслом на тему «Дельфиниада». А ещё она в полном восторге оттого, что я по памяти рисую профили вождей мирового пролетариата: Маркса, Энгельса и Ленина. В связи с этим она пророчит мне такую же судьбу, как у моего школьного учителя по рисованию, отличавшегося необыкновенным талантом, которого все в школе называли не иначе как «Буратино», потому как у него большой сизый нос.

Отцу же больше всего нравится картина, названная мной кромешным словом «Ад». Матери сюжет этой картины очень не нравится. Её пугают кричащие, перекосившиеся от боли лица грешников, которых черти поджаривают на сковороде, при этом одного из них они заставляют лизать горячую сковороду. Отец же лукаво подначивает её:

– Всех вас коммунистов-безбожников ожидает такая участь.

Однажды во время ужина я выказываю родителям своё желание после окончания восьмого класса поступить в Омское речное училище. За столом на мгновение воцаряется грубое молчание, которое затем нарушает отец, напевая забавную песенку:

Плывёт по речке Омка старая кастрюля,

На ней не видно ни паруса, ни руля...

После чего говорит:

– Речка – это хорошо, но море лучше. Подумай лучше, сын, над своим поступлением в высшее военно-морское инженерное училище. Такое училище, к примеру, есть во Владивостоке.

И тут я крепко задумываюсь. Стать военным моряком – это так неожиданно для меня. Может, мне стать не моряком, а просто военным, ведь Владивосток находится очень далеко от моего дома...

## Глава третья

– Похоже, что с нашего сына никакого толку не будет. Не стать ему приличным человеком, – слышу я голос отца, он разговаривает с матерью. – На носу выпускные экзамены, а у него адреналин в крови кипит. Надо же додуматься, своего школьного учителя по астрономии из-за девки поколотить, – возмущается он.

Мать некоторое время молчит, а потом горестно хмыкает.

– В нём не только адреналин кипит, но ещё и гормоны бесятся. Он весь в тебя... – умолкает она на полуслове, шмыгая при этом горестно носом.

Отец всегда соглашается с правотой своей жены, если таковая имеет место быть. Что касается бешеных гормонов, то этот факт он не отрицает, потому как сам в молодости разбирался с её воздыхателями не иначе как посредством своих крепких кулаков. Мне же об этом стало известно от моей бабушки, рассказавшей, как отец однажды взгрел оглоблей инженера сейсмологической партии, предпринявшего попытку ухаживания за моей матерью.

– Ладно, не нагнетай обстановку! – осаживает он её. – Скажи лучше мне, если знаешь, кто эта девчонка, из-за которой сын стал махать кулаками?

Мать и не думает нагнетать обстановку, так как не видит в этот смысл.

– Она медичка, зовут её Татьяна, окончила медицинское училище, работала в городе, но перевелась к нам и сейчас работает медсестрой в хирургии. Она у нас раньше практику проходила. Откуда родом я не знаю.

– Выходит, она намного старше Сёмки?

– На четыре года. Семён её знает с восьмого класса, но тогда он ещё был маленький. Впрочем, он и сейчас недалеко ушёл. Боюсь, что она побалуется мальчишкой и бросит его, а для него это будет душевная трагедия, – озабоченно говорит мать.

Родители появились дома неожиданно для меня – обычно они обедают по месту своей работы и домой возвращаются поздно вечером. Выскочить из дома я не успеваю, поэтому, заслышав шум подъехавшего «уазика», быстро взбираюсь на большую русскую печь, стоящую в углу горницы, задёргиваю занавеску и укрываю себя старой рогожей.

Печь – любимое место, на ней я и мой младший брат коротаем долгие зимние вечера. Полушёпотом рассказываем мы друг другу страшные истории, придумываем различные сюжеты к сказке о Емеле-дурачке, разъезжающем на печи по просторам Руси.

– Вечером, как только он придёт из школы, я с ним серьёзно на эту тему поговорю, чтобы не было у него душевной трагедии, – говорит отец.

– Только, пожалуйста, без кулаков, – просит его мать.

Однако её просьба пролетает мимо ушей отца. Наш мужской разговор не откладывается в долгий ящик, ибо я, вытягивая удобнее ноги, цепляю какую-то кухонную утварь, лежащую на печи – раздаётся шум и следом властный голос отца.

– Слезь с печи, Семён! Приехали!

Понимая, что моё отлынивание от школы раскрыто, я нехотя сползаю с печи, в предчувствии того, что отцовский ремень будет «гулять» по моей спине. Мой отец ярый приверженец правила: «пожалеешь ремень – испортишь ребёнка». Впрочем, этого правила придерживаются все родители моих друзей. Первый же его вопрос приводит меня в полное уныние.

– Сколько дней не ходишь в школу?

Опыт подобного общения с отцом подсказывает мне, что лучше не врать, поэтому говорю ему правду с раскаивающимися нотками в голосе.

– Два дня.

– Как два дня? – врывается неожиданно в наш мужской разговор возмущённая мать. – Кто эта сучка, из-за которой ты не ходишь в школу?

Я молчу как партизан, что выводит окончательно мать из себя, и она срывается на крик.  
– Ты знаешь, что твоя Танька подстилка? – безапелляционно обвиняет она в её лице всех тех, кто несет угрозу спокойствию её семьи.

– Она не подстилка, – решительно встаю я на защиту своей подружки.

– Она грязная дрянь!

– Ты сама дрянь, раз говоришь такие слова, – неожиданно для себя выпаливаю я, и на этом диалог наш заканчивается, так как в него вступает отец.

– Я никогда не позволю тебе оскорблять свою мать, – жёстко обрывает он меня.

И это последнее, что я слышу, потому как в следующее мгновение он наносит мне сильный удар в скулу, от которого я лечу к печи, ударяюсь головой об её угол и теряю сознание.

Придя в себя, обнаруживаю, что лежу головой на коленях у отца. Он выстригает мне вокруг раны волосы, чтобы она не загнила, и прикладывает к ней марлевый тампон, обильно смоченный тройным одеколоном, запах которого приводит меня в чувство.

По моему лицу ползёт кривая улыбка.

– Как на картине Репина «Иван Грозный убивает своего сына», – выдавливаю я из себя.

– Извини, сын, – говорит отец. – Мы с тобой явно погорячились. А у тебя ведь через неделю выпускной экзамен по математике...

– Чего уж там, я готов к нему...

И мы оба понимаем, что это не так.

Из спальни доносится всхлипывание матери, она корит себя за то, что спровоцировала меня и отца на боевые действия. Я иду в спальню и приношу матери свои извинения. Она бросает укоризненный взгляд на мою голову, и мы обнимаем меня.

– Сыночек, мой родной! – шепчут её губы...

Вскоре, после случившегося со мной инцидента в школе началась сдача выпускных экзаменов. К своему удивлению, и больше всего к удивлению моих родителей, все экзамены я сдаю на оценку не ниже, чем «хорошо». Со своей подругой – Танюшкой я, в силу сложившихся обстоятельств, больше не встречаюсь.

Расим от кого-то узнал, что она вновь встречается с астрономом. Да это и к лучшему. Зачем я ей? Астроном, другое дело – высокий, кудрявый парень, с высшим образованием, работает учителем в школе, за него можно и замуж. Недостаток у него лишь один – рыжий он. Хотя этот цвет на любителя. Танька сама красит волосы в ярко рыжий цвет.

Единственное, о чём я сожалею, так это о своём сколоте переднем зубе, который был повреждён в стычке с ним, а также о плешине на голове, образовавшейся у меня после того, как я получил от отца короткий «хук» в левую скулу.

– Так, всё-таки, куда, сынок, ты намерен поступать? – глядя на меня вопросительно, спрашивает мать.

Своим вопросом она застаёт меня врасплох, так как я ещё пребываю в глубоком раздумье. Для меня ясно лишь одно, что «человеком», как говорит мой отец, я буду становиться в военном училище. Но вот в каком? В военно-морском училище во Владивостоке или в военно-инженерном училище в Тюмени? В любом случае решение стать военным обрадует моих родителей.

Мне их чаяния понятны. То, что случилось с моими сверстниками, наводило их на тревожные мысли. Один из них, Володька, будучи пьяным, разбился насмерть на мотоцикле, другой – Гришка попал в тюрьму за «хулиганку», Юрка начал основательно злоупотреблять алко-голем. Все они были старше меня на пару лет, и родители полагали, что я нахожусь под их влиянием. Впрочем, их понять несложно. К каким ещё выводам можно прийти, узнав, что их сын, получив бабушкину пенсию в двенадцать рублей, купил для своего друга ящик креплёного вина, чтобы тот смог отметить с девчонками день своего рождения?

– Мам, я пока не решил, куда буду поступать, но точно знаю, что это будет военное училище, – отвечаю я на заданный ею вопрос.

Глаза матери наполняются радостью.

– А когда тебе нужно будет идти в роддом? – спрашиваю, в свою очередь, я её.

– Роды намечены на десятое число, но бывает всякое...

– А отец к тому времени вернётся из командировки?

– Не знаю, – отвечает мать, и её глаза заволакивает тоска.

– Не переживай, мам, если что, я помогу тебе во всём, ты только говори мне, что нужно делать, – успокаиваю я её.

Ожидаемое пополнение в нашей семье со скромным уровнем материального достатка является ещё одной причиной, побудившей меня принять решение в пользу казённого дома, коей является курсантская казарма.

Опасения матери, что отец не приедет из командировки на момент выписки её из роддома, оправдываются. Новорождённую сестрёнку медсестра роддома вручает мне в руки и наша мать в окружении всех своих детей гордо следует к себе домой. А уже поздно вечером приезжает отец...

– Сынок, не забывай, пожалуйста, писать письма домой, – напутствует меня отец, приехавший ко мне на «День присяги».

Мы сидим с ним на скамье на стадионе. Я пристально всматриваюсь в черты его лица, словно хочу насмотреться на него с запасом на год, в течение которого мы вряд ли свидимся. Я очень сильно скучаю по нему, матери, сестрёнкам и брату.

– Обязательно буду писать. Как там поживает Светик-семицветик? – интересуюсь я относительно своей младшей сестрёнки.

– Растёт, как в сказке, по дням и по часам, – смеётся отец. – Она уже «гулит», пытается перевернуться набок. Думаю, что скоро это у неё получится. Да, чуть не забыл, сынок, сказать тебе новость, – спохватывается он. – Танька, бывшая твоя, вышла замуж за астронома.

– Не дождалась солдата. Все они такие! – иронизирую я, смеясь. – А если говорить по-доброму, то я рад за неё, она хорошая девчонка, только немного толстоватая.

– Именно так, – живо соглашается со мной отец. – Я хотел тебе сказать об этом, да ты сам все разглядел. У мужика должен быть вкус. При выборе невесты нельзя полагаться только на головку «фаустпатрона», ибо потом проклянёшь себя.

Я покатываюсь со смеху. В таком ракурсе отец впервые говорит со мной. Видимо, настала пора – я повзрослел, на мне форма военного человека.

– А как поживают мои друзья? – спрашиваю я у отца.

– Ребята, с которыми ты поступал в училище, получили повестки на службу в армию – в ноябре пойдут служить. Расим остаётся дома, так как он окончательно списан в запас по состоянию здоровья. Кстати, вы с ним – национальные герои, разговоры о вас не утихают в посёлке уже несколько месяцев, – неожиданно спохватывается отец.

У меня от удивления лезут глаза на лоб.

– Ты, наверное, шутишь? – теряюсь в догадках я.

– Нет, не шучу, – отвечает он. – В посёлке прознали, кто совершил нападение на чеченцев в гостинице. Все мужики и бабы гордятся вами. Сначала сыновья того самого мужика, гадившего в саду, хотели Расима отлупить, но сам отец не дал им этого сделать, когда узнал, кто напал на чеченцев. Видимо, в нём разыгралось чувство справедливости.

– Странно. Прошло более трёх лет и только сейчас это вылезло наружу, – изумляюсь я. – Интересно, откуда это стало известно народу? Расим растрепал?

– Нет не он. Слушок пошёл от того самого рыбака, который вытащил вас из реки в тот вечер, – смеётся лукаво мой отец. – Он встретил как-то Расима в районном Доме культуры и узнал его, а потом поделился своими догадками с другими, так весть и разлетелась. За неделю

до моего отъезда к тебе, к нам приходил участковый милиционер, хотел поговорить с тобой и поставить тебя на учёт в милиции, но узнав, что ты сейчас в военном училище и то, что тогда ты был несовершеннолетним, ушёл восвояси.

– Вовремя я поступил в училище. Тех, кто имел на гражданке приводы и состоял на учёте в милиции, до вступительных экзаменов в училище не допускают, – говорю я. – Плавал бы сейчас на какой-нибудь кастрюле...

Отец смеётся.

– Это точно, плавал бы... – соглашается он со мной. – И тут же интересуется. – Как вас кормят, хватает ли?

По стадиону разносится селекторный голос, извещающий о построении нашей роты на обед. Мы крепко обнимаемся, и отец уходит. Я ещё некоторое время продолжаю смотреть ему вслед. Меня внезапно охватывает сильное чувство тоски по дому. Всё-таки я домашний до мозга костей, наверно, я зря выбрал военную службу, – откровенно хандрю я.

– Что приуныл, Семён? – слышу сзади голос Фарида, своего нового друга, по кличке «Фаза». – Тоскливо?

– Да, тоскливо, очень, – честно признаюсь ему. – Я даже и не полагал, что окажусь таким домашним...

## Глава четвёртая

– Батальон, «Равняйся!», «Смирно!», – звучит зычный голос командира нашего батальона.

Курсанты четырёх рот замирают в волнительном ожидании следующей команды. Они знают, по какому случаю построен батальон, и новая команда не заставляет себя ждать, она касается меня. Повинуясь этой команде, я выхожу строевым шагом из строя, и комбат объявляет мне десять суток ареста за самовольную отлучку с содержанием на гарнизонной гауптвахте.

В курсантских шеренгах слышится шёпот. Строй шевелится. Это первое столь суровое наказание, прозвучавшее перед строем из уст нашего комбата.

– Наверное, Семёна отчислят из училища, – слышу я перешёптывания курсантов, доносящиеся до меня из первых шеренг моей роты.

– Есть десять суток ареста, – отвечаю я с хрипотой в голосе, и по команде комбата вновь возвращаюсь в строй.

Комбат не успокаивается, вдогонку мне несутся резкие, как пистолетный выстрел, его указания командиру роты.

– Посадить его под Новый год! Рассмотреть вопрос об исключении из комсомола! Информировать родителей!

Зачем информировать моих родителей? Это моральный садизм! – хочется мне крикнуть комбату, но я молчу...

Комбат ещё некоторое время рычит и брызжет слюной, выкрикивая какие-то слова в мой адрес, но я их почему-то не слышу. Наверное, оттого что у меня скакнуло вверх артериальное давление, как это нередко бывало, когда я выходил на борцовский ковёр. Вывалив на меня весь комплекс дисциплинарного и морально-психологического воздействия, комбат, наконец, успокаивается. Цель достигнута. Всем, стоящим в строю, предельно понятно, что я наказан в полном объёме – чтоб другим неповадно было.

Мой «самоход», так на армейском сленге называется самовольное оставление части, был менее трёх часов, но этого было уже достаточно, чтобы я попал в учреждение с ограниченной степенью свободы, именуемое «гауптвахтой». Гауптвахта – по своей сути это та же тюрьма, те же нары, тот же конвой. Мне приходилось ранее слышать от своих старших друзей, отслуживших в армии, выражение, что «плох тот солдат, который не был на гауптвахте», но оно меня никак не вдохновляло. Я ощущал себя действительно плохим солдатом и не сомневался, что это именно так и будет сказано моими сослуживцами на комсомольском собрании, которое состоится уже на следующий день.

В том, что меня исключат из комсомола я был почти уверен и не переживал по этому поводу. Меня уже исключали из комсомола за драку с «астрономом», но тогда мне повезло – большинство комсомольцев проголосовало «против» моего исключения. Это были мои школьные друзья и часть сентиментальных девчонок, которым импонировало то, как я самоотверженно бился за свою девушку, несмотря на то, что мой противник был учителем, старше по возрасту, выше ростом и сильнее.

Я победил в схватке с ним, потому как был убеждён, что физическая сила не имеет преимуществ над силой духа. «Астроном» не выдержал моего натиска, несмотря на то, что ему удалось разбить мне нос и посадить синяк под глазом. Он позорно бежал от меня, как только ощутил мои зубы на своём теле, которыми я намеревался его рвать.

Отсидка на гауптвахте не пугает меня. Но вот, что действительно волнует, так это то, что командованием роты будет направлено письмо родителям о моём недостойном поведении. На

мгновение я представил плачущее лицо своей матери, читающей такое письмо, и моё сердце сжимается в тугой комок, я готов сам расплакаться.

Ленинская комната, в которой проходит комсомольское собрание, до отказа заполнена курсантами моего взвода, все они комсомольцы, а двое из них коммунисты, они присутствуют на собрании в качестве приглашённых лиц. На собрании также присутствуют командир взвода и роты.

Мне дают слово. Я что-то бессвязно говорю, признаю свою вину, отвечаю на вопросы. После чего наступает время прений. Первыми выступают курсанты-обвинители, подготовленные заранее командирами, они жгут меня словом, а один из них, увлечшись громкой патетикой, бросает мне: «С таким, как Семён, я не пошёл бы в разведку». Потом выступают те, кого разбудило громкое слово. И здесь, совсем с неожиданной для меня стороны открывается мой приятель, с которым я делю прикроватную тумбочку. Он, в унисон курсантам, выступившим за моё исключение из комсомола, также заявляет, что я опозорил воинский коллектив и поэтому мне не место в ленинском комсомоле.

Я пребываю в шоке. Что его побудило так заявить, я не знаю. Ведь он и сам частенько бегает в «самоход» к своей девчонке. Позже, извинившись предо мной, он скажет, что иначе не мог, так как проходил кандидатский стаж в члены КПСС и командир взвода сказал ему, что он обязательно должен выступить с осуждением меня. Сейчас же его заявление мной расценивается как откровенное предательство нашей дружбы, и я взрываюсь.

Я говорю о том, что нельзя на человека навешивать ярлыки, не зная о нём ничего, что на войне хватало предателей как среди комсомольцев, так и среди коммунистов. В конце своего сумбурного выступления я заявляю, что если бы нас всех сейчас здесь пытали – вырезали бы на спине звёзды и посыпали их солью, то меня не было бы в рядах тех, кто предал свою Родину и своих товарищей.

В Ленинской комнате после моих слов на мгновение воцаряется тишина. Слово берёт Фарид.

– Мы не знаем, друг о друге ничего, тем не менее, бросаемся обвинениями типа «я не пошел бы с ним в разведку». А почему? Кто-то боится, что Семён при случае переметнётся к врагам. Это чушь! – говорит мой друг. – Я лично верю в него. Он виноват, проступок свой осознаёт, ему нужно дать шанс...

После его слов в Ленинской комнате на мгновение воцаряется полная тишина. Затем наперебой выступают и другие курсанты. Все они говорят о том, что верят в искренность моих слов и что меня следует оставить в рядах комсомола, то есть, дать мне шанс, о котором сказал Фарид. И это шанс мне вновь дают. С перевесом в два голоса меня оставляют в комсомоле.

– По итогам состоявшегося голосования ты, Семён, остаёшься в комсомоле! – объявляет с гримасой ярко выраженного недовольствия комсорг нашего взвода.

Из Ленинской комнаты я выхожу с пунцовым лицом, громко выдыхаю и на ватных ногах бреду, как побитая собака, в курилку. Туда же потянулись и те мои сослуживцы, которые поддерживали меня в столь непростой для меня ситуации. Как много их, – с теплотой в душе мысленно отзываюсь я о своих товарищах.

– Крепись, Семён! – ободряюще говорит Фарид. – Плохие дни пройдут, а за ними обязательно придут хорошие...

– Спасибо тебе. Этих деньков мне хотелось бы сейчас больше всего, – бормочу я невесело в ответ, потому как в далёкой перспективе не вижу ничего хорошего для себя...

До наступления Нового года остаётся две недели. Я с каждым днём ожидаю, когда меня отведут на гауптвахту. Но вот начинается зимняя сессия, и я приступаю к сдаче экзаменов и зачётов, которые старательно сдаю на оценку не ниже, чем «хорошо».

Наверное, вряд ли меня сейчас посадят, скорее всего, это произойдёт по завершении сессии. А может быть, командование меня простило? – тешу себя я внезапно пришедшей мыслью.

Я не знал тогда, что никакого прощения не может быть в принципе, ибо согласно уставу за неисполненное наказание должен понести дисциплинарную ответственность командир, наложивший это взыскание на своего подчинённого...

– Просыпайся, молодой, пора на работу! – слышу я голос конвоира. – Дрыхнешь? Наверное, девочку, к которой бегал в самоход, во сне увидел? – ехидничает он.

– Никакую ни девочку. Я провожал на призывном пункте друга в армию. Там и попался на глаза патрулю, – отвечаю ему.

– Ну, ты даёшь! К мальчику бегал и ещё десять суток гауптвахты получил, – громко ржёт конвоир.

Утреннюю дрему, в которую я погружаюсь, сидя на единственной табуретке, стоящей в углу и прикрученной к полу, снимает как рукой. Я продираю заспанные глаза и выхожу из камеры.

В коридоре меня поджидают ещё двое арестованных – это солдаты из спортивной роты, в которой служат стрелки, лыжники, боксёры, борцы и другие спортсмены, имеющие разряды не ниже кандидатов в мастера спорта СССР. Одного из них, Айзана, я хорошо знаю, он борец-вольник из Ингушетии, и мне довелось с ним несколько раз тренироваться в паре в период подготовки к первенству города по вольной борьбе.

Идут пятые сутки моего пребывания на гауптвахте. Начальник гауптвахты объявляет, что мы с Айзаном будем работать на свинарнике – кормить свиней и чистить их квартиры, а Шамиль, его товарищ по спортроде, будет драить в это время туалет на гауптвахте.

– Я не буду драить туалет, – возмущается стокилограммовый борец вольного стиля Шамиль.

– Подумай над тем, как ты себя будешь чувствовать, если тебе придётся гадить у себя в камере весь срок отсидки? Может быть, ты дерьмо своё будешь кушать? Или ты попросишь Айзана, чтобы он за тобою убирал персонально?

– Ладно! – недовольно бурчит Шамиль. – Буду драить!

– То-то.

Училищный свинарник кажется мне невероятно огромным – около сотни голодных свиной неистово визжат и хрюкают... Хозяин свинарника – седоволосый прапорщик с лицом, обезображенным угревой сыпью, объясняет нам, что нужно делать, и мы приступаем к работе под строгим надзором конвоира, расположившегося на топчане у входа.

Через пару часов мы заканчиваем их кормление. Я иду за вилами, чтобы убрать в вольерах навоз. Неожиданно слышу душераздирающий крик Айзана. Оборачиваюсь. Вижу, он лежит в углу свинарника, и его с остервенением рвёт огромная свиноматка.

Кричу конвоиру:

– Стреляй в неё! Иначе она разорвёт его!

Но тот бледнеет, затем бежит к телефонной точке, чтобы связаться с караулом...

Я хватаю вилы и перепрыгиваю через ограждение. Сразу же бью вилами вбок рассвирепевшее животное. Вилы входят в тушу свиньи, как нож в масло, но это не останавливает её. Она резко отскакивает в сторону, вырывает тем самым вилы из моих рук, а затем устремляется на меня. Я едва успеваю перескочить через ограждение. Свинья вновь возвращается к Айзану.

Я хватаю другие вилы, вновь перепрыгиваю через ограждение и снова наношу свинье удар вбок. Свинья визжит и отступает в угол. Вилы, воткнутые ей вбок, держу в руках изо всех сил. Я скользю по навозному полу вместе с раненым животным. Свинья постепенно затихает, и тогда я выпускаю вилы из рук и подхожу к Айзану. Вместе с подбежавшим конвоиром вытаскиваем его через калитку на улицу, на свежий воздух.

Айзан лежит на траве без сознания, весь в крови: у него огромная рваная рана икры и покусанные руки. Вскоре пребывает санитарная машина и увозит нас обоих в армейский госпиталь. После проведённого обследования меня выписывают из госпиталя, и я, не отсидев полностью своего срока на гауптвахте, возвращаюсь в роту.

На утреннем построении батальона комбат снова вызывает меня из строя и снимает с меня ранее наложенное им взыскание за проявленное мужество в период осуществления хозяйственных работ, а также от имени начальника училища награждает меня ценным подарком.

Я сдаю последний зачёт, и командование роты отпускает меня в двухнедельный зимний отпуск, о котором я даже и не мечтал.

Перед отъездом домой, нахожу в спортроте Шамиля, и мы едем с ним в госпиталь, чтобы навестить там Айзана, которому сделали очень сложную операцию по сшивке кровеносных сосудов и телесной ткани. В палате у Айзана неожиданно для себя мы встречаем его многочисленных родственников, приехавших из Чечни.

Я никогда не задумывался над тем, кем являются по национальности Шамиль и Айзан, они были для меня обыкновенными парнями, которые, также как я, занимались вольной борьбой. То, что у них на родине исповедуется ислам, меня это не занимало, ибо мой близкий друг Фарид – татарин, его родители тоже почитают Аллаха. Однако Фариду это не мешает есть сало, к которому я абсолютно равнодушен.

Внешний вид отца Айзана – Аббаса, особенно его чёрная борода, внезапно будоражит потаённые во мне воспоминания о том, как я мстил «чеченам» и мне становится стыдно и неловко перед родственниками Айзана.

Шамиль рассказывает им как я спас Айзана от неминуемой гибели, и они чествуют меня, как своего национального героя. Его братья Хамид и Исмаил тут же называют меня своим кровным братом, а мать и сёстры принимают угощать меня и Шамиля своими вайнахскими яствами.

Аббас же развязывает свой сидор и достаёт оттуда красивый глиняный кувшин с красным сухим вином. Он протягивает его мне со словами:

– Отдай, сынок, этот кувшин с прекрасным вином своему отцу и скажи ему, что он может гордиться своим сыном, как гордится им всё семейство Мурадовых, которое живёт в станице Ассиновской Чечено-Ингушской республики...

Появление меня на пороге дома является полной неожиданностью для моих родных. Мать, увидев меня, взмахивает руками и опирается на стену, чтобы не упасть.

– Тебя выгнали из училища? – Не обманывай, пожалуйста, меня, – говорит она и на её глазах выступают слёзы.

– Ты не поверишь, мама, но меня не выгнали, а наоборот наградили ценным подарком за проявленное мной мужество.

– Какое там еще мужество? – с укором говорит она. – О твоём мужестве мы прочитали с отцом в письме командира роты. Отец ездил к тебе, но ему сказали, что ты сидишь на войсковой гауптвахте.

– Я действительно сидел на губе. И хорошо, что я был там, иначе молодого парня загрызла бы освирепевшая свинья. Она напала на него, когда мы с ним кормили свиней. Я ей в бок воткнул двое вил...

– Ужас, какой! – взмахивает вновь руками моя бедная мать...

В дом входит отец и задает мне с порога тот же самый вопрос, что и мать. Я повторяю свой рассказ вновь. Однако по глазам отца вижу, что он тоже не верит мне. Тогда я достаю из своего чемоданчика костяные шахматы и книгу о подвиге генерала Карбышева, на внутренней стороне обложки которой надпись с печатью и подписью начальника училища, удостоверяющая факт награждения меня ценным подарком за проявленное мужество при выполнении хозяйственных работ.

На лице у отца появляется улыбка.

– Значит, беда прошла мимо тебя? – смеётся он.

– Ну, уж не совсем мимо. Я получил занозу в одно место, и мне пришлось сделать соответствующий вывод, – шучу я в ответ.

– Это хорошо, сын, что ты сделал должный вывод из всего, что случилось с тобой. Я горжусь тобой, хотя ты и заставил нас с матерью основательно поволноваться за твою судьбу...

Отец искренне тронут подарком. Мы усаживаемся за стол и открываем кувшин. Пьём вино и ведём разговор о том, что среди людей разных национальностей есть как хорошие люди, так и мерзавцы. Хороших людей значительно больше, и в их числе семейство Мурадовых, сходимся мы в едином мнении.

## Глава пятая

– Ты идёшь сегодня на вечер? – спрашивает меня Фарид. – Комсорг батальона сказал, что будут девчонки-третьекурсницы из медицинского института, поэтому я уже чищу «пёрышки».

– Он всегда нас интригует, а на деле окажется, что придут снова те же самые девочки, которые постоянно ходят на вечера в училище со времён, когда оно ещё называлось «пехотным», – лукаво смеюсь я.

– Не хочешь идти, так сиди в казарме и жди, когда нам откроют «свободный выход в город», – ехидничает Фарид.

Среди нашего брата уже несколько недель не умолкают разговоры о том, что на четвёртом курсе у нас будет свободный выход в город. Более приятной сердцу новости и желать не надо. Где и в каких кабинетах зародилось это великолепное решение, никто из нас не знает, но мы догадываемся, что побудило высокое начальство к его принятию.

Для службы в войсках, находящихся за границей (Венгрия, Германия, Польша, Чехословакия), направляются только те выпускники училища, которые на момент выпуска создали свои семьи. Отцы-командиры с большими звёздами на погонах понимают, что молодому офицеру-холостяку, попавшему служить в отдалённый гарнизон, по понятной причине, невозможно найти спутницу жизни по месту службы. И это обстоятельство зачастую является предпосылкой для бытового пьянства среди молодых офицеров, хождению их по чужим жёнам, неслужебным контактам с местным населением, и увольнению, в конечном итоге, их с воинской службы.

Поэтому многие курсанты, которые возжелали попасть служить за границу, в спешном порядке решают задачу создания семьи. Первым у нас во взводе женится Жека Бабкин – любимчик командования роты, высокого роста спортивный парень, у которого по всем прикладным видам спорта разряды. Вторым женится Пашка Капчиц – ум, честь и совесть нашей эпохи, так кличем мы его, потому как он у нас единственный коммунист. Парень он явно неплохой, ему, как и мне тяжелее даются беговые виды спорта, но зато он превосходно играет на гитаре и великолепно поёт. Находимся в постоянном поиске своих «боевых подруг» и мы с Фаридом.

Фарид страстно желает попасть служить в группу советских войск в Германии (ГСВГ). Что касается меня, то я себя за границей не тешу, потому как моя отсидка на гауптвахте закрывает мне туда дорогу. Меня ожидают забайкальские степи или туркменский песок. Тем не менее, я хочу создать семью, чтобы у меня, по выражению моей матери, «было все как у людей».

Вместе с тем найти милую, умную и порядочную девушку не так-то просто. Причин тому несколько. В увольнение ходят не все желающие, а лишь одна треть от списочного состава роты. При этом в списки на увольнение обязательно включают женатых, ибо таково требование приказа, а потом уж всех остальных. Поэтому мы с Фаридом чаще всего довольствуемся танцевальными вечерами, которые один раз в месяц проводит политотдел батальона для оставшихся в казармах курсантов...

– Девчонок явно маловато, но есть свежие лица, – делает вывод Фарид, оглядев зал. И тут же бросает мне: – Я пошёл, – и направляется в дальний угол зала.

Оставшись один, я оглядываюсь по сторонам. Девушек действительно пришло немного. Многие при этом не торопятся выразить себя в танце, они понимают, что у них есть выбор. Не тороплюсь и я, блуждая оценивающим взглядом по лицам девчат.

Но вот и я делаю первую попытку. Понравившаяся мне девушка хороша собой, она о чем-то живо беседует с подругой и при этом задорно смеётся. Держу курс на неё.

– Извините. Я не танцую, потому как жду своего друга, – откровенно признаётся мне девушка, отклоняя мое приглашение.

Боковым зрением цепляю ещё одно миловидное личико и иду уже к этой девушке. Она тоже не танцует, причина та же – ждёт своего парня.

Что ж это такое? – досадуя я. Не вечер танцев, а вечер чужих встреч!

Подходит Фарид, и я делюсь с ним своими впечатлениями. Он вызывается помочь мне через свою девушку, с которой только что познакомился. Она пришла на вечер с подругами.

Сработало. Девушка, с которой знакомлюсь, невысокого роста, хрупкая, с большими удивлёнными глазами. Такую девушку, как она, сложно разглядеть с первого раза. Ловлю себя на мысли, что она начинает мне нравиться, её хочется защищать, беречь. К тому же у неё небольшой, пухлый рот. Наверное, эти чувственные пухлые губки очень приятно целовать, – закрадывается в моё сознание шаловливая мысль.

Вечер подходит к концу, дежурный офицер извещает об этом в микрофон. Все устремляются в раздевалку, я помогаю своей новой знакомой надеть пальто, и мы выходим из офицерского кафе.

– Я хотел бы с тобой встречаться, – говорю я девушке.

– Наверное, я тоже, – отвечает она.

– Почему, наверное?

– Сейчас я об этом не хочу говорить. Время покажет...

У ворот КПП прощаемся, и я, внезапно набравшись смелости, целую её в щёку...

В казарму возвращаюсь вместе с Фаридом, он тоже, как и я, провожал свою девушку. По дороге делимся впечатлениями, и тут я понимаю, что я о своей знакомой, в отличие от своего друга, почти ничего не знаю, кроме её имени. Настроение сразу падает, я пытаюсь успокоить себя тем, что мне приблизительно известно место её проживания – это небольшая деревенька, примыкающая к аэропорту местных авиалиний.

– А ходят ли туда городские автобусы? – задаюсь я вопросом.

– Конечно, ходят, но тебе придётся эту девушку забыть, – говорит Фарид. – Это нереально – ездить на свидание за тридевять земель. У тебя на дорогу к ней уйдёт половина времени, отведённого на увольнение, и к тому же есть риск вообще опоздать из увольнения.

Я, молча, соглашаюсь с ним, вспоминая, что и девушка как-то неопределённо высказалась насчёт наших встреч.

– Видно, не судьба! – с досадой говорю я.

– Не грусти, Семен, по её прелестям. Я видел её. Таких девчонок, как она, на каждом шагу уйма, – смеётся Фарид. – К тому же спортсменам накануне соревнований противопоказано общение с женщинами. Ты забыл об этом?

– Не забыл. Помню, – отвечаю односложно я. – Соревнования у меня на следующей неделе.

Я не лукавлю. Соревнования по борьбе «самбо» на первенство города намечены в следующие выходные дни.

– Ты в вес свой вошёл? – интересуется Фарид. – Сколько ещё килограмм нужно тебе согнать?

– Пару килограмм. Сегодня после занятий иду с командой в городскую баню, там я с ними и расстанусь...

Однако не все так просто обстоит с гонкой веса. Как только мы выходим за КПП, выясняется, что никто из команды борцов, кроме меня, не собирается идти баню. Все сразу же разбегаются по своим делам и любимым девушкам. Я остаюсь стоять один на автобусной остановке в раздумьях, что мне делать, как убить три часа, отведённые на баню. И тут я вижу подъ-

езжающий автобус, в маршрутном табло, которого указано: «аэропорт местных авиалиний». Решение приходит сразу, и я, не раздумывая, сажусь в автобус.

Приехав в аэропорт, от работника порта узнаю, что нужная мне деревня находится по другую сторону лётного поля, и рейсовый автобус в эту деревню выполняется от автовокзала два раза в сутки. И я принимаю бездумное решение – идти в деревню напрямик, краем лётного поля. Перелажу через забор и держу путь в сторону светящихся вдали огоньков.

Внезапно из темноты раздаётся окрик.

– Стой! Кто идёт!

От неожиданности я вздрагиваю, но быстро прихожу в себя. Грубый и решительный окрик часового, охранявшего стоянку вертолётов, лишь на мгновение прерывает моё движение.

– Мне нужно пройти в ту деревню, огни которой видны вдали, – говорю я часовому и показываю рукой.

Часовой остаётся неумолимым.

– Назад! Буду стрелять! – грозно звучит его предостережение.

– Стреляй! – говорю ему я ему в ответ и начинаю движение.

Часовой досылает патрон в патронник, звучно клацая затвором. Я напрягаюсь в ожидании выстрела, но меня не запугать. Игра со смертью начинается. В моих мозгах запускается последний отсчёт времени. Я всем своим существом ощущаю, как часовой целится мне в спину. Я жду его выстрел – сначала он будет вверх, а уж потом в мою спину...

Боже мой, что я творю, на мгновение мелькает просветление в моей голове. Ведь это не рулетка, в которую играли русские офицеры. Часовой просто убьёт меня, так, как это сделал недавно мой сокурсник. Тогда наш взвод находился в карауле. На пост с инженерной техникой забрёл пьяный бедолага, у которого, как потом, оказалось, было трое детей. На окрик часового он не остановился, и тогда наш, который мог одним ударом свалить его с ног, сначала сделал предупредительный выстрел вверх, как-то требовал устав, а потом, не раздумывая, выстрелил ему в спину.

В моей голове зреет упрямство, оно переполняет меня. Я не могу заставить себя остановиться. Поэтому иду на ватных ногах вперёд, в ожидании пули в спину...

Выстрела нет. Почему его нет? Какова прицельная дальность стрельбы из карабина? Триста, четыреста, пятьсот или более метров? – задаюсь вопросом я.

Однако это уже неважно, деревня рядом. Я слышу, как лают во дворах деревенские собаки. Останавливаюсь посередине пустынной улицы. Куда идти? Где живёт та, ради которой я только что играл со смертью?

Вижу, как ко мне быстро приближается светящаяся точка. Это велосипедист. Я окрикну его.

– В каком доме живёт невысокого роста, хрупкая девушка по имени Анна? – спрашиваю я мальчугана лет тринадцати.

– Вон там! В доме поодаль...

Мальчик указывает мне на большой деревенский рубленый дом, с резными ставнями и шиферной крышей, расположенный неподалёку от места, где мы с ним стоим. Я благодарю его и подхожу к калитке указанного мне мальчиком дома, во дворе злобно лает цепной пёс. На лай выходит сторбленный дед, на ногах у него валенки, на теле куцый овчинный полушубок.

– Зачем, солдатик, пожаловал?

– Я пришёл к Анне.

Он понимающе хмыкает и ведёт меня в дом.

– Здравствуйте! – приветствую я сидящих за большим столом, накрытым клетчатой клеёнкой, двух женщин, играющих в русское лото.

Анна оборачивается и, узнав меня, тут же покрывается пунцовым цветом. Узнала! – отлегло у меня на душе.

– Я к тебе, – преодолевая комок в горле, говорю ей.

Она поднимается из-за стола, и мы идём с ней в её девичью комнату.

– Семён, я не ожидала увидеть тебя у себя дома...

– Извини, что пришёл без приглашения и в столь позднее время. Я сбежал в самоволку, так как очень хотел увидеть тебя. Ты мне очень понравилась...

– Семён, ты торопишь меня. Я не могу встречаться с тобой сейчас, хотя и хотела бы...

– Почему не можешь?

– Я обещала дождаться из армии парня. Он пишет мне письма почти каждый день. Их уже более двухсот. Я не могу его предать. Ты не веришь мне?

Анна лезет под стол и достаёт из картонной коробки пять пачек писем, перевязанных цветными ленточками.

– Ты его любишь? – спрашиваю я.

– Наверное, да.

– А я думаю, что нет. Иначе, зачем бы ты пришла к нам на вечер.

– Извини, Семен, что дала тебе надежду.

– Да ладно. Я всё понимаю. Я сейчас уйду.

Анна смотрит на часы с кукушкой, висящие на стене.

– Тебе ещё рано уходить.

– Как рано? – вспыхивает потаённая надежда внутри меня.

– Автобус будет через полчаса.

– А-а-а, будет автобус, – протягиваю я. – А я к тебе шёл напрямик, через лётное поле...

– По лётному полю нельзя ходить. Там вооружённая охрана. Одного нашего местного застрелили прошлой весной.

– Меня тоже хотел застрелить ваш часовой...

– Семён! Ты из-за меня мог погибнуть, – вдруг тихо заплакала Анна.

Я успокаиваю её, обнимаю за плечи и прижимаю её к себе, мои губы встречаются с её губами...

– Пора уходить, я провожу тебя до остановки, – шепчет она мне, отстраняясь от моих объятий...

Мой самоход остаётся для командования незамеченным, и вечером, после команды «Отбой», я восторженно рассказываю Фариду о моём необычном любовном приключении. Он, молча, слушает, а потом изрекает:

– Ты дурак, Семён. Тебя могли застрелить. Ты бы подумал о своих родителях. Бабы этого не стоят, чтобы за них получать пулю в лоб.

– Любимая женщина стоит того, – возражаю я ему. – За неё мужчина может отдать свою жизнь. Примеров тому в литературе описано много.

– Да. Примеров тому в литературе действительно много. Но та, к которой ты шёл через лётное поле – не твоя девушка, а того солдата, кому она дала слово своей верности.

– В общем, ты прав, но...

– Никаких «но», – прерывает он меня. – Идём спать. Жизнь покажет...

Через три дня от Анны приходит письмо, в котором она высказывает сожаление о том, что дала мне надежду и просит не искать с ней больше встреч.

Позже я узнал от своей младшей сестры, которой довелось работать с Анной в одном учреждении, что она дождалась своего парня из армии. Она стала работать стюардессой на

междугородних линиях, родила ему двоих детей. Он же, как это часто случается, стал беспорочно пить, и они развелись.

## Глава шестая

– Семён, мне нужно поговорить с тобой, – говорит Фарид. – Давай во время самоподготовки «оттянемся сладеньким» на стадионе, там и потолкуем.

– Давай! – не раздумывая, принимаю я предложение своего друга.

Оттянуться сладеньким на курсантском сленге означает купить в училищном буфете банку сгущённого молока, пачку вафель, бутылку сидра и умять это все на травке футбольного поля. Следует оговориться, что это мероприятие является любимым делом почти у всех курсантов. Видимо, всем нам не хватает сладкого в курсантском рационе.

– Ты второго мая идёшь в увольнение? – первое, о чём спрашивает меня мой друг, когда мы усаживаемся на травке, разложив перед собой провиант.

– Вроде бы, да. В списки на увольнение меня внесли. А там как масть ляжет. Замком-взводу, к примеру, может не понравиться, что мы с тобой отлучились с самоподготовки на пару минут, и мы оба не пойдём в увольнение, – отшучиваюсь я.

– Не будем говорить о плохом, а то накаркаем. У меня и так хватает проблем, – невесело говорит Фарид.

– Рассказывай, в чём дело?

– Как ты знаешь, я встречаюсь с девушкой из медицинского института. Так вот, парни из её общаги предупредили меня, что если они ещё раз увидят меня около неё, то обязательно отлупят.

– Мне все понятно, – говорю я. – Глупо идти, чтобы тебя просто побили. Нужно дать им бой! Сколько их было?

– Четверо.

– Четверо – это ничего. Пойдём в общагу вдвоём. А сегодня вечером мы с тобой должны потренироваться. Отработаем пару жёстких приёмов из боевого самбо. В увольнение пойдём в парадно-строевой форме. Думаю, что нам понадобятся сапоги и ремни. – Решено? – спрашиваю я его.

– Решено, – соглашается со мной Фарид, и по его лицу пробегает что-то наподобие улыбки.

Общежитие мединститута, где я ранее никогда не был, изумляет меня огромным количеством девчат, которые с любопытством поглядывают в нашу сторону, когда мы с Фаридом идём по длинному коридору, отыскивая нужную нам комнату. Это и понятно, курсанты военного училища нечастые гости здесь.

Подружкой Фариды оказывается миловидная блондинка, высокого роста, с большими открытыми глазами, на длинных, тонких ногах.

– Анжела, – представляет он мне свою девушку.

В ответ на моё имя она мило улыбается. Кроме неё в комнате находятся ещё две девушки. Одна из них откровенно восхищает меня. У неё второй разряд по парашютному спорту, она совершила семь прыжков с высоты 1200 метров.

Девчата принимаются готовить ужин, а мы с Фаридом ремонтируем их старенький магнитофон. Вскоре обе хлопочущие стороны успешно решают поставленные перед собой задачи – на столе появляются сосиски и немудрёные салаты, в углу звучит «Ролинг Стоунз» со своим совращающим, настойчивым битом, наполняя небольшое пространство комнаты страстью. Мы открываем шампанское, которое принесли с собой, и празднование Первомая начинается.

Внезапно раздаётся стук в дверь, и в комнату входят те, к приходу которых мы так серьёзно готовились. Мы переглядываемся с Фаридом. Парней, как и ожидалось, четверо. По внешнему виду ничего особенного они собой не представляли, за исключением одного – крепкого белокурого парня в белой футболке с динамовской символикой. Гости осматривают нас

с ног до головы, и я отчётливо улавливаю их акцентированный взгляд на значке «кандидат в мастера спорта СССР» на лацкане моего кителя.

– По какому виду «КМС»? По шахматам? – ехидно спрашивает меня «динамовец», кивая на мой значок.

Ну вот, началось, – думаю я.

– По «самбо». С одним из ваших парней на прошлой неделе мне довелось встретиться на первенстве города. Если мне не изменяет память, то из минуты я его не выпустил, – отвечаю я, глядя ему в глаза.

Я не лукавлю. На прошлой неделе действительно состоялись городские соревнования, где мы заняли командой первое место. Что удивительно, то первая схватка у меня была с перворазрядником из мединститута.

Соперник был на длинных ногах, и это меня устраивало, ибо я люблю бороться, с такими борцами, как он. Схватка была скоротечной, и я буквально «выхлопал» им борцовский ковёр.

– Я был с друзьями на тех соревнованиях. Нашему парню явно не повезло в первой схватке, – расплзается в кривой улыбке «динамовец» и переключает свой интерес на девчат, завязав с ними профессиональный диалог.

Через некоторое время парни уходят. А у нас начинаются танцы. И я, к моему сожалению, становлюсь единственным партнером у девушки, которая, несмотря на ее эффектные внешние данные, мне не очень приятна, и прежде всего, потому что курит. Но делать нечего, я с завистью смотрю на своего друга, любовно воркующего с Анжелой, и добросовестно отбываю свой номер.

Однако вскоре и на моей улице намечается праздник. В комнату входит стройная девушка в небесно-голубом платье, с каштановыми волосами, постриженными в стильную причёску «гаврош». Девушку зовут Люсия, она близкая подруга Анжелы. Она усаживается за стол рядом со мной. Я разом охватываю её взглядом: утонченно благородное лицо с прямым носом и тонкой переносицей, красивые губы, изумительные формы тела, длинные ноги, небольшая грудь, гармоничная линия бёдер, ясно обрисовывающихся под лёгкой тканью её великолепного платья...

Мне уже не нужно больше отбывать номер, теперь я вижу перед собой только одну девушку, и её зовут Люсия. Каждый танец теперь принадлежит только нам.

Люсия говорит, что не любит военных, так как они, зачастую грубы и не отёсаны. Я соглашаюсь с ней, говорю, что я тоже их не люблю. Она задорно смеётся, заражая меня своим смехом.

Уставшие от быстрого танца, мы садимся на кровать. Её красивая грудь находится всего в нескольких сантиметрах от меня, я вдыхаю запах её волос и борюсь со своим желанием поцеловать её шею. Люсия чувствует мои настроения и отодвигается к изголовью кровати.

Внезапно мне в голову приходит шальная мысль. Я встаю, иду к окну и усаживаюсь на подоконнике.

– Семён, что вы рисуете? Наверное, карикатуру на меня? Немедленно покажите мне листок, который вы прикрыли ладонью, – требует Люсия.

– Нет, это не карикатура и даже недружеский шарж, – говорю я с загадочной маской на лице.

– Так что же это такое?

– Это стихотворение, написанное мной на коленках, которое, в отсутствие белых роз, я хочу подарить вам на память о нашей встрече.

Навсегда запомню эту рыжую,  
В эту романтическую встречу,  
Ласкою своей я очарую,

Будет она красива и бесстыжа,  
И с ней я буду тоже рыжим...

– Да уж, – протягивает Люсия. – Явно не стиль Сергея Есенина. Но идея покрасить вас, товарищ военный, в рыжий цвет мне явно понравилась, нужно над этим подумать, – звонко смеётся она.

Фарид смотрит на часы и кивает головой. Пора прощаться.

Я впервые столь остро ощущаю ущербность положения, в котором оказывается курсант военного училища в сравнении со студентом гражданского вуза. Скорее бы ввели свободный выход в город!

– Жизнь вас, парни, явно не балует, – философски замечает Анжела. – Но вы не грустите. Мы с девочками на прощание устроим вам ангажемент – споём известную песенку «Не плачь, девчонка!». Девочки, начали!

Не плачь, девчонка, пройдут дожди.  
Солдат вернётся, ты только жди.  
Пусть далеко твой верный друг.  
Любовь на свете сильнее разлук...

Поют они нам звонкими голосами куплет из этой песни. А парашютистка Анна, надев мою фуражку околышем задом наперёд, задорно топаёт по комнате строевым шагом.

– Девчонки, мы приедем к вам раньше, чем начнутся дожди, – тепло прощаемся мы с ними.

Фарид на несколько минут задерживается в коридоре с Анжелой, а я выхожу на крыльцо общежития. Моросит мелкий весенний дождь.

Ну вот, и дождь! Я грустно втягиваю в себя воздух. Однако для грусти повода нет. По возвращении из увольнения мы узнаём, что в училище для курсантов четвёртого курса введён свободный выход в город.

И действительно, утром всем выдают пропуска, в соответствии с которыми разрешён выход в город в рабочие дни с 19.00 до 24.00, в предвыходные и предпраздничные дни с 17.00 до 24.00 часов.

И уже вечером этого же дня мы с Фаридом вновь берём курс на общежитие медицинского института.

На наше счастье Анжела находится на месте, и мы втроём идём в гости к Люсии. По дороге Анжела рассказывает, что её подруга живёт со старенькой мамой, которая в настоящее время лежит в больнице. Их фамильный род идёт от польских дворян и имеет два старинных герба. Один прадед у Люсии был директором самого крупного в России станкостроительного завода, а другой – прославленным комиссаром, которого белочехи расстреляли в городе Петропавловске-Казахском.

– Я в своё время от души повеселилась, узнав, что один из фамильных гербов её рода называется «ТРАХ», – говорит Анжела. – Люсии долго пришлось рыться в библиотеке, чтобы меня переубедить, что «трах» – это не то, о чём обычно подразумевают. На самом деле, это золотой коронованный дракон. На территории нашей страны её предки появились где-то в 1820 году.

– Может, пока не поздно, повернём назад, – смеюсь я, – а то вдруг польской дворянке не понравится, что к ней челядь без приглашения в гости пожаловала.

– Люсия не такая, она полностью обрусела, – закатывается в задорном смехе Анжела.

Доселе молчавший Фарид вдруг тоже отзывается юмором.

– Не пасуй, Семён, у меня предки из Золотой Орды, они покруче были, чем шляхтичи.

Нашу именитую особу застаём врасплох, она покрасила волосы на голове и не готова нас принять, в связи, с чем просит немного её подождать. Однако это обстоятельство вызывает у нас шквал новых вымыслов, от которых мы уже валимся со смеху, сидя на скамье у её дома.

Наконец, Люсия выходит к нам. Выглядит она великолепно. Вглядевшись в тонкие черты её правильного лица, я неожиданно для себя выпаливаю:

– А ведь в ней течёт действительно голубая кровь...

Люсия потупляет свой взгляд. Поняв, что своим высказыванием я привёл её в смятение, я ретируюсь и делаю комплимент по поводу её причёски, но и этот мой ход был явно неудачным.

Тогда я и предположить не мог, что моя Люсия не приемлет никаких обсуждений её внешнего вида.

С Люсией мы теперь встречаемся почти каждый день уже на протяжении полугода. Проверкой наших с ней отношений становится одно курьёзное событие.

Простившись с ней, я иду на остановку автобуса, находящуюся у неё под окном. В ожидании автобуса смотрю в её окно на втором этаже, в котором появляется она, и мы ведём разговор на языке жестов, понятном только влюбленным.

Неожиданно сзади меня раздаётся неприятный мужской голос, направленный в мой адрес.

– Слышь, военный-обыкновенный, дай мне закурить.

Оборачиваюсь и вижу парня, выше среднего роста, лет тридцати, одетого не по сезону. Видимо, он вышел из близлежащих домов, чтобы стрелкнуть сигаретку, – думаю я.

– Я не курю, – отвечаю ему и вновь поворачиваюсь к окну, у которого стоит моя возлюбленная.

Однако спектр настроений у этого ночного прохожего не ограничивается тем, чтобы найти закурить, он гораздо шире.

– Ущербный, что ли? – презрительно хмыкает он.

Я намереваюсь сказать ему, что думаю по этому поводу, но не успеваю повернуться к нему лицом, так как он боковым ударом в скулу сносит меня с ног.

Вскакиваю на колени и вижу, как летит мне в лицо его ботинок. Встречаю бьющую ногу перекрестием своих рук и резко выворачиваю ему ступню, он падает. Я набрасываюсь на него и наношу ему несколько ударов в область печени.

И тут я слышу пронзительный женский крик:

– Милиция! Милиция! Помогите!

В пылу схватки, я не узнаю этот голос, но потом меня буквально пронзает догадка – это кричит моя Люсия. Что с ней? – беспокоюсь я. – Почему она зовёт на помощь?

Я вскакиваю на ноги и вижу, что Люсия мечется в открытом окне и кричит:

– Помогите! Милиция! Милиция!

В следующее мгновение я получаю от своего противника удар по ногам и вновь валюсь на землю. Он бросается на меня, пытаясь нанести удары в лицо, но я готов к борьбе в партере и сразу оказываюсь в положении «сверху». Выпущенная мной серия жёстких ударов сверху в его голову приводит к нужному мне результату. Я встаю с противника, оставляя его лежащим на снегу, и бегу на помощь Люсии.

– Люсия! – кричу я, врываясь в приоткрытую дверь.

Она, заслышав мой голос, бежит навстречу.

– Что случилось? Почему ты звала милицию? – выпаливаю я сходу.

Она растерянно улыбается. И тут я понимаю, что она, таким образом, хотела отпугнуть от меня нападавшего.

– У тебя шинель вся в крови. Ты ранен? – спрашивает Люсия, в её глазах полный испуг...

– Нет, это не моя кровь, а того парня, который напал на меня, – говорю ей.

Люсия подходит к окну, чтобы закрыть его, и испуганно отходит назад.

– Ты убил того парня? Он до сих пор лежит недвижимый на снегу. – Ты убийца, Семён! – выносит она неожиданный вердикт.

Оглоушенный таким заявлением, я подхожу к окну и вижу, что «труп» уже встал на ноги и теперь мочится в углу автобусной остановки.

– «Труп» оказывает себе первую медицинскую помощь, – иронизирую я.

– Как это?

– Посмотри в окно и увидишь все сама.

– Фу! Я выйду и убью этого урода сама, – искренне возмущается Люсия, получив визуальное подтверждение моих слов.

– Люсия, я думал, что на тебя тоже кто-то напал. Поэтому я не мог вести с этим уродом душеспасительные беседы, мне нужно было быстрее бежать к тебе...

– Да понимаю я всё, – тёплым голосом отзывается Люсия. – Я ведь тоже спасала тебя, зовя милицию на помощь. Думала, что он испугается и убежит. Что ему надо было от тебя?

– Сначала он спросил у меня сигарету, а потом у него появилось острое желание ободрать об меня свои кулаки. Нас, курсантов, мужское население города, особенно молодые парни, не очень-то любят. В начале этого года одного нашего парня какие-то отморозки зарезали и утопили его труп в проруби. Убийц до сих пор не нашли.

– Как страшно это слышать!

– Согласен, неприятно. Но что поделаешь, если даже твои коллеги хотели отлупить Фарида, несмотря на то, что принимали клятву Гиппократу, – смеюсь я...

– Ну, и вы защитники народа тоже не белые, пушистые, – парирует мне Люсия, – чуть, что сразу идёте в бой...

## Глава седьмая

– Семён, дружище, дави его! Ещё немного и этот парень будет твой, – слышу я выкрики своих друзей из зала.

Я на борцовском ковре. Идут соревнования на первенство Сибирского военного округа. На последних минутах схватки, которую я веду с мастером спорта международного класса, мне удается взять его на «болевой». Однако мой противник имеет очень низкий порогом боли и необыкновенно сильный. Он достаточно легко уходит с «болячки» и кроме того удачно ловит меня на переднюю подножку. Схватка мной проиграна, но я не очень расстроен её результатом, потому как признаю, что противник намного сильнее меня.

В раздевалку иду не спеша, прихрамывая на левую ногу. Смотрю на своё колено, оно пугающе распухло.

Неужели порван мениск? – тревожусь я...

Окружной госпиталь Сибирского военного округа. В этом медицинском учреждении я нахожусь уже третьи сутки, в связи с предстоящей мне полостной операцией по удалению повреждённого мениска. Этот госпиталь примечателен тем, что в его стенах Антон Павлович Чехов написал свой известный рассказ «Палата № 6».

Обнаружить место, где «воняет кислой капустой, фитильной гарью, клопами и аммиаком» я не рассчитываю. Однако «небольшой флигелёк» на территории госпиталя, где во времена Чехова находилась палата № 6 для душевнобольных, я нахожу в первый же день пребывания. В нем ныне располагается «кожно-венерологический диспансер».

По иронии судьбы палата, в которой я нахожусь, значится также под номером шесть. Понятно, что палата № 6 для хирургических больных, даже в далёком приближении не имеет ничего схожего с чеховской палатой № 6 для душевнобольных. Тем не менее, она оставляет в моей памяти жить на долгие годы, шокирующие истории, которые мне поведали её обитатели.

В палате нас пять человек. Все мы военнослужащие Сибирского военного округа. Несмотря на то, что в палате один офицер, старшина-сверхсрочник, два курсанта и солдат, «дедовщины» в ней нет. Главной поведенческой нормой в палате нами признаётся негласный рейтинг заболеваемости, в соответствии с которым и строятся межличностные отношения её обитателей. Тем, кто стоит выше в рейтинге, всемерно оказывается посильная помощь теми обитателями палаты, у которых рейтинг ниже. В нашем понимании это есть самый человечный подход.

Самым несчастным по тяжести переносимого физического страдания единодушно признан Бекдурды, младший лейтенант, командир взвода связи. Он туркмен по национальности и призван служить в армию на два года после окончания института транспорта и связи в Ашхабаде.

Его имя в переводе на русский язык означает «живучий», и это соответствует действительности. Свою необыкновенную живучесть Бекдурды доказывает на кровати с жёстким настилом, стоящей посреди палаты. У него обожжена почти половина всей кожи, сломаны кости таза и ещё что-то. Он очень мужественный человек.

Ему каждый день делают перевязки, которые по своей сути являются укутыванием его обожжённого тела кусками ткани с нанесённой на них какой-то мазью. По причине того, что у него сломаны кости таза, он подвешен на каких-то тросах, широко раскинув ноги. Он истощён настолько, что по его скелету можно учить анатомию человеческого тела.

Беда с Бекдурды приключилась в городском саду. По какой-то причине, а скорее всего, в отсутствии таковой, он не понравился группе молодых националистически настроенных отморзков.

Они ударили его ножом в спину и принялись избивать и топтать ногами, а в конце своего изуверства, когда он потерял сознание, облили его бензином из баллончиков для зажигалок, сгребли вокруг него листву и засохшие ветки и подожгли.

Первыми, кто пришёл ему на помощь, как это ни странно, были бомжи, они и вызвали к нему карету скорой помощи...

Мне симпатичен этот офицер из далёкого и незнакомого мне Туркестана. Прежде всего, он восхищает меня своей силой духа. Я с ним веду беседы о национальной борьбе туркменов – «горше», которой он много занимался. Эта борьба в чем-то схожа с борьбой «самбо». В ней борцы борются в национальных халатах, подвязанных мягкими поясами. Победитель должен бросить своего противника на спину или заставить его коснуться тремя точками.

О своём горе Бекдурды не известил родственников, чтобы не расстраивать их, и поэтому переносит все невзгоды в одиночку, без поддержки близких ему людей. Ему, как никому другому, нужна наша поддержка, и мы стараемся во всём помочь ему.

Вторым в рейтинге – курсант второго курса военного танкового училища по имени Николай. В отличие от Бекдурды, свою беду Николай организовал себе сам. В период ночных учений, проводимых в училище, он решил вздремнуть на поле танкодрома. Улёгся на травке под бревном и заснул глубоким сном, не подозревая, что с ним может случиться беда.

«Хронический недосып» – явление в армейской среде весьма распространённое и хорошо известное тем, кто служил в армии. На втором курсе, в конце апреля, когда ещё не полностью сошёл снег, у нас были ночные занятия по установке противотанкового минного поля перед передним краем противника. Я в составе отделения всю ночь проползал по-пластунски с двенадцатикилограммовыми минами в руках. По окончании установки минного поля у нас были в кровь истёрты руки и колени.

Вернувшись к себе в палаточный лагерь, мы не стали растапливать печь, несмотря на то, что в палатке было весьма холодно, а просто рухнули на кровати и заснули мертвецким сном. Утром, взглянув друг на друга, мы расхохотались – у всех был комичный вид. От «мокрого обморожения» у нас опухли уши, и мы были похожи на «слоников». Мокрое обмораживание, как объяснил нам потом врач медсанчасти, наступило в силу разницы температур – согретой теплом головы подушки и температурой в палатке.

Наш «недосып» обернулся для нас лишь обмороженными ушами. К несчастью Николая, на бревно, под которым он спал, наехал танк. В результате этого наезда он остался на всю жизнь без одной ступни и с повреждённой рукой.

Более всего Николай расстраивается по поводу того, что будет отчислен из училища и никогда не станет офицером-танкистом. Я, как могу, успокаиваю его. Говорю ему, что, сгугая на невзгоды, которые нам приходится порой переживать, мы и думать не хотим, что это, возможно, лучшее из всех зол, что преподнесла нам судьба, учитывая сделанный нами собственный выбор. Он весьма недоверчиво реагирует на сказанное мной.

– Это какая-то философская чушь, – говорит он.

– Я понимаю тебя, – отвечаю ему. – Однако подумай и скажи мне, выбор стать танкистом был твой?

– Да, мой.

– Может быть, тебе и не следовало становиться танкистом, ты этот выбор сделал наперекор своей судьбе. На выбранном тобою жизненном пути тебя могла подстергать и большая беда, к примеру, ты мог бы сгореть в подбитом танке в Афганистане, или утонуть в танке при форсировании водной преграды.

– Конечно, и такой расклад мог быть, – соглашается со мною Николай.

– Теперь этого в твоей жизни точно не случится. Ну а, что касается философской чуши... Могу сказать лишь одно, что у нас нет достаточных знаний о существующем миропорядке, к

примеру, нет знаний, на основе которых мы могли бы отрицать бога или признавать его. Мы живём в потёмках, поэтому можем только рассуждать на эту тему.

– В общем, как я тебя понял, жизнь для меня не закончилась, – улыбается Николай.

– Так же, как она не закончилась когда-то и для лётчика Маресьева, потерявшего ступни обеих ног...

В диалог вклинивается старшина сверхсрочной службы Василь, который стоит третьим в нашем списке.

– С Николаем всё понятно, он мог сгореть в танке или утонуть в реке, а чтобы ты сказал, Семён, на мой счёт? Я служу в военном оркестре, «дую в дуду» и никаких смертельных опасностей рядом со мной нет. Афганистан по мне не плачет, а плаваю я хорошо...

Василь не застаёт меня своим вопросом врасплох.

– Ты мог бы, к примеру, попасть, идя по дороге на службу, под колеса десятитонного грузовика, а сейчас не попадёшь, – говорю я ему.

– Да уж. С твоей, Семён, философией на курьёзы жизни не посетуешь, – ухмыляясь, замечает он.

То, что случилось с Василем, вообще тяжело даётся объяснению и пониманию. Он случайно наколот себе палец, который затем привёл к заражению крови. На момент моего прибытия в палату он лишился четырёх фаланг на пальцах обеих рук.

– Кстати, а что ты скажешь про Бекдурды? – спрашивает он.

Я задумываюсь на мгновение. Но тут Бекдурды сам поспешает ко мне на помощь.

– Я мусульманин и, видимо, понадобился аллаху для его дел на небесах, но для начала он решил испытать меня, чтобы узнать сильный ли я духом...

В палате воцаряется безмолвие. Каждый задумывается о чём-то своём. О своём, видимо, задумается и последний в нашем «списке несчастных» – молодой солдат из автотранспортной роты. Мы не зовём его по имени, потому как с презрением относимся к таким людям, как он. Этот бедолага с целью уклонения от службы в армии сам нанёс себе увечье. Он сначала проглотил иглу, затем гвоздь, а в завершение оконный шпингалет.

Он хотел, чтобы ему сделали операцию на желудке, а затем комиссовали. Ему якобы было тяжело бегать кроссы, однако следствие потом установит, что он по показанным результатам был в роте в десятке лучших бегунов. Военным трибуналом он будет осуждён на четыре года и семь месяцев колонии общего режима.

На утреннем обходе лечащий врач извещает меня, что завтра будет операция. Я немного волнуюсь, но это ненадолго. Что моя операция в сравнении с тем, что перенесли другие, лежащие в этой палате?

– Ребята, – раздаётся негромкий голос Бекдурды. – Скажите мне, какое сегодня число?

– Девятое, – отвечаю я ему.

– Тогда у меня сегодня день рождения. Знаменательная дата – двадцать пять лет, – говорит он и сразу умолкает.

Мы подхватываемся и принимаемся его поздравлять. Он смущённо принимает наши поздравления и сетует на своё состояние, в котором оказался в день своего юбилея.

Василь зовёт меня в курилку «покурить». Я догадываюсь в связи с чем, ибо курить мы с ним не будем, так как не курим оба.

– Я предлагаю отметить юбилей Бекдурды, – говорит он мне. – Ты у нас единственный, кто может прикупить все необходимое для этого случая. Деньги у меня есть.

– У меня тоже есть, – не раздумывая, соглашаюсь я.

– А как твоё колено?

– На данный момент оно у меня не болит.

– Отлично! купишь продукты, бутылку коньяка и небольшой подарок. Недалеко от госпиталя есть рынок, там ты все найдёшь. Забор можно перелезть в кустах сирени, которые напротив окон нашей палаты, это проторённый маршрут.

– Так, я пошёл... – говорю я и направляюсь к лестнице на выход.

Прячась за кустом цветущей сирени, залажу на стену двухметрового кирпичного забора, прыгаю с него, и я уже в городе.

Рынок с помощью подсказок, встретившихся на моём пути прохожих, отыскиваю довольно-таки быстро. На площади перед рынком вижу кафе узбекской пищи, и меня осеняет мысль – нужно купить восточную пищу!

Пожилой узбек, хозяин кафе, рассказывает мне:

– У туркмен своей национальной кухни нет. Они едят нашу пищу, а также пищу таджиков и каракалпаков. Они, как и мы, отдают предпочтение баранине. Говядину они не едят. Конину тоже, – говорит он.

– А что у вас есть из баранины? «Казан – кабоб» есть?

Пожилой узбек смеётся.

– Конечно, есть. Мы не можем обойтись в кафе без мяса, тушёного в казане с зеленью.

– А «тухум-дульма» или «кувурдак»?

– И котлеты и мясная закуска есть, – хохочет пожилой узбек. – Откуда у тебя, русского парня, такие познания? Жил в Средней Азии?

– Нет, я всё время живу в Сибири. У меня друг детства узбек, его зовут Расим.

– А кому ты хочешь купить туркменскую еду?

– Своему новому другу Бекдурды, мы с ним лежим в военном госпитале, сегодня у него день рождения, ему двадцать пять лет.

Мой рассказ о злоключениях Бекдурды не оставляет равнодушным пожилого узбека. Поэтому денег с меня за продукты он не берёт и более того собственноручно наполняет мою авоську великолепной узбекской едой.

В качестве подарка для Бекдурды, я покупаю статуэтку с лошадьми, которую отыскиваю в торговых рядах на рынке.

– Лошади в жизни туркмен играют особую роль. Твой друг, несомненно, оценит такой подарок, – сказал мне пожилой узбек.

С покупкой коньяка у меня проблем не возникает. И уже через час я стою перед кирпичной стеной в раздумьях, как мне перелезть через забор с огромной авоськой, наполненной доверху продуктами.

Решаю преодолеть его в два приёма. Отыскиваю поодаль длинную сухую палку, обламываю её по высоте кирпичной стены, цепляю ручки авоськи за её конец и прислоняю палку, с болтающейся на её конце авоськой, к стене. Затем вскарабкиваюсь на стену и прыгаю с неё вниз, чтобы оглядеться. И это было правильным решением. Ибо, как только я оказываюсь на земле, с обратной стороны куста доносится до меня властный голос:

– Стоять, больной! Не двигаться!

Но этот окрик только подстёгивает меня. В одно касание я перебрасываю своё тело через двухметровый забор обратно. Дежурный врач лишь от удивления разводит руками.

Быстро сдёргиваю авоську с палки и бегу, что есть мочи, вдоль забора. Обежав по периметру весь забор, я отыскиваю в нём дыру со стороны реки и без труда проникаю на территорию госпиталя. На входе в больничный корпус меня встречает дежурный врач.

– Где вы были, больной? – спрашивает он.

– На КПП. Мне родственники принесли продукты, – нагло вру ему, стараясь при этом быть максимально спокойным.

Врач заглядывает внутрь авоськи и шарит там рукой. Не обнаружив ничего не дозволенного, он хочет что-то мне сказать, но передумывает и машет на меня рукой.

Палата более часа пребывает вся в нервах. И только с моим появлением в дверном проёме с авоськой в руках, всех её обитателей охватывает радость.

Василь рассказывает, что в отделении была проверка, и троих не оказалось на месте. Видимо, это и подтолкнуло дежурного врача организовать пост у стены. Не исключаем также, что он видел, как я перелезил через забор.

– Дежурный врач обломался. Ты показал ему высший пилотаж! – восхищается мной Василь. – Я видел твой полёт из окна палаты. Это было великолепно!

Я рассказываю ему, где спрятал бутылку коньяка, и он, не мешкая, идёт за ней.

Мы с Николаем подвигаем четыре тумбочки к кровати Бекдурды, составляем их в линию и принимаемся накрывать именинный стол. Приходит Василь, и мы все усаживаемся за стол.

Бекдурды растроган вниманием к себе и бесконечно благодарит нас за подарок.

Я вижу, как он наслаждается вкусом узбекской пищи, с какими умилёнными глазами он смотрит на статуэтку милующихся лошадей, и как его глаза наполняются слезами радости. Глядя на него, мою душу тоже переполняет радость.

– Если бы сейчас мы оказались в Ашхабаде, то моя мама приготовила бы нам суп из мяса молодого барашка «гара чорба», а дедушка мясо «гарын», – мечтательно говорит он.

А у меня на сердце в это время скребут кошки. За что так жестоко обидели этого парня. Ведь он никому плохого не сделал, притом он был в форме офицера Советской армии, – возмущаюсь в душе я.

А уже поздно вечером, я наливаю всем по сто грамм азербайджанского коньяка, и мы ещё долго ведём разговоры на разные темы, но уже лежа на кроватях.

А через четыре дня Бекдурды внезапно для всех нас умирает. Врач говорит, что он и так очень долго продержался.

Я смотрю на своих товарищей по больничной палате, у них от слов врача, как и у меня, на глаза навернулись слезы...

## Глава восьмая

- Ты когда и насколько уезжаешь в полевой лагерь? – спрашивает меня Люсия.
- Я уезжаю через неделю и пробуду в лагере до конца сентября.
- Но ведь у тебя ещё не зажило колено, и ты говорил, что освобождён от полевых занятий?
- Да, я действительно освобождён от полевых занятий. Я буду находиться в медсанчасти учебного батальона, где и буду проходить курс реабилитации, – отвечаю ей.
- Сёмушка, я устала быть одна и очень скучаю по тебе.
- Я тоже. Но ничего не поделаешь, я ведь человек служивый...
- Да уж, – хмыкает Люсия. – Служивый.

Расстаюсь я со своей возлюбленной в растревоженных предстоящей разлукой чувствах...

В полевой лагерь, который располагается за городом на берегу большого озера, мы едем всем составом батальона в последний раз, и это обстоятельство вселяет в нас безудержное веселье. Колонна армейских «ЗИЛ-131» движется по городским улицам, и мы с огромным воодушевлением горланим песни. Но вот взводный запевала красивым тембром выводит нашу любимую «Соловей, соловей, пташечка» и мы подхватываем:

Бросай девка, жито жать,  
Пойдём в холодок лежать,  
Соловей, соловей, пташечка!  
Канареечка жалобно поёт...

Ребята с моего взвода рассредоточиваются по отведённым для них палаткам, а я ухожу в медсанчасть учебного центра.

На душе немного грустно, потому как мне придётся пропустить интересные практические занятия по водолазной подготовке, вождению машин инженерного вооружения и запуску удлинённых зарядов разминирования.

В медсанчасти знакомлюсь с курсантами из других рот, которые также освобождены от полевых занятий. Таковых, кроме меня, ещё два человека: огненно-рыжий весельчак Стас из инженерно-понтонной роты и раскосый, смуглый красавец Игорь, который, как и я из инженерно-сапёрной роты.

В отличие от меня Стас не расстраивается по поводу пропуска практических занятий, ибо он сам себе «больничку» возжелал, и болезнь себе надумал. Персонал медсанчасти нам не докучает и более того участвует в нашем «дуракавалянии».

А так как всякое безделье и свобода порождает шальные мысли, то я уже начинаю задумываться над тем, как навестить свою возлюбленную и сделать это уже в ближайшие выходные дни. Стас пытается меня отговорить от побега в самоволку, потому как лагерь находится в тридцати шести километрах от города, и преодолеть их мне с большим коленом будет весьма непросто. Однако, увидев, что я настроен решительно, он больше не размышляет моё сознание и, более того, принимает мою сторону.

– Я побегу с тобой, – заявляет неожиданно он. – Вдруг у тебя расплзутся швы на колене, и ты будешь лежать один в лесу и стенать на судьбу-злодейку, – рисует он мне печальную картину.

Я не отговариваю его от участия в моём бесшабашном проекте.

– У Люсии на квартире проживает какая-то девочка, чем чёрт не шутит, может быть, знакомство с ней окажется и для тебя благодатью?

Он в ответ смеётся.

– Я не надеюсь в ближайшее время влюбиться в какую-либо местную милашку. Хотя и следовало бы заглушить боль в сердце. – Однако пусть оно ещё поболит, – говорит он.

У Стаса непростой период в жизни, и он подумывает над тем, как оставить воинскую службу и уйти на «гражданку». Дома у него осталась девушка, которую он очень любит. Но она, как это часто бывает, стала встречаться с другим парнем, а перед самым отъездом в полевой лагерь он узнал, что она вышла замуж.

– Клин вышибают клином, – изрекаю я.

Почему эта пословица вдруг пришла мне на ум, и какое отношение она имеет к сердечным делам, я не задумываюсь. Но Стас, со свойственным ему юмором забавно реагирует на сказанное мной:

Не пришла ты ночью,  
Не пришла и днём.  
Думаешь, мы дрочим?  
Мы других найдём!

Мы с Игорем буквально катаемся со смеху от такой поэзии. Игорь, как и Стас, также отлынивает от полевых занятий по надуманной причине. Реальной же причиной тому является черноволосая, восточная красавица Мари, которая работает в нашей санчасти медсестрой. С ней Игорь дружен ещё со школьной скамьи. Теперь они рядом каждый день. Глядеть на эту влюблённую парочку – одно удовольствие. После разговора с Игорем она принимает решение прикрыть мой побег со Стасом в город.

Ждём, когда Мари заступит дежурной по медсанчасти. Это обстоятельство значительно облегчит наш побег. И этот день настанет. Плотно позавтракав, и получив от Мари инструктаж и кое-какие медикаменты для меня, мы со Стасом покидаем территорию медсанчасти.

Бежать по лесной дорожке легко, хотя колено и даёт временами о себе знать. Когда же это происходит, то я замораживаю его ампулами хлористого этила, которыми меня снабдила Мари. Хлористый этил снимает боль в колене, и оно не беспокоит как минимум три-четыре километра. Тем не менее, к концу нашего марафона я бегу, опираясь на плечо Стаса, и марлевая повязка на моём колене, которая некогда была белоснежной, превращается в окровавленную тряпку.

Люсия на наше счастье находится дома. Увидев меня в таком удручённом состоянии, она пугается не на шутку, и я с трудом успокаиваю её. Она никак не может взять в толк, как я смог пробежать столь большое расстояние с незажившим коленом.

– Это же почти сорок километров, – говорит она, преодолевая комок в горле и не сводя глаз с кровавого пятна, проступившего через ткань моих спортивных брюк.

– Тридцать шесть километров, если быть точным, – говорю я, и улыбка ползет по моему усталому, но счастливому лицу.

– Это неважно, сколько километров вас разделяло, – внезапно подключается к нашему разговору Стас, – мой друг Семён всё равно бы прибежал к вам, или приполз, чтобы ещё раз сказать, что любит и не представляет своей дальнейшей жизни без вас.

Люсия тушует, и её лицо мгновенно покрывается красными пятнами.

– Сёмушка у меня такой, – лепечет она смущённо в ответ. И тут же спохватывается. – Вы, наверное, голодные?

– Мы по дороге прикупили кое-что покушать, – информирует её Стас и принимается выкладывать из пакета на стол всё, что мы принесли с собой.

– А это зачем? – поднимает брови кверху Люсия, указывая на литровую банку красного сухого вина, появившуюся на столе.

Стаса этот упрёк не смущает нисколько, ибо он знает, что сказать по этому поводу.

– Это была моя инициатива купить красное сухое вино, – говорит он. – Семён потерял много крови и ему нужно обязательно выпить вина. Это всегда рекомендуют врачи при сдаче крови.

– Всё с вами ясно! Воин приходит на помощь воину, – смеётся Люсия. – А что говорят, на сей счёт, ваши отцы-командиры? Озвучьте, пожалуйста!

– Они в своё время много времени провели в окопах, и у них жёсткое сердце, неспособное к состраданию. Поэтому им лучше оставаться в неведении, – иронизирую я.

Вскоре приходит квартирантка Катя, и мы садимся ужинать.

– Ну, как тебе Катюша? – улучив момент, спрашиваю я Стаса.

– Никак. Твоя Люсия лучше, – смеётся он.

– Конечно же, лучше. Это даже не обсуждается...

Утром, сделав свежую перевязку, Люсия вызывает такси, и обратный путь для меня и Стаса протекает в комфортных условиях.

Через пару часов после нашего возвращения, когда утреннее солнце стало достаточно припекать, я, Стас, Игорь и Мари нежмся на песчаном берегу озера, рассуждая на тему, какая хорошая штука жизнь, если в ней есть солнце, вода и песок.

Мой побег из лагеря выводит наши отношения с Люсией на новый уровень. Мы говорим о подготовке к предстоящей свадьбе, которую решаем сыграть в конце июля, после получения мной диплома об окончании военного училища. О нашем решении мы уведомляем своих родителей и друзей сразу же после моего возвращения из лагеря.

Повреждённое колено постепенно заживает. Но так как я по-прежнему освобождён от строевых и полевых занятий, физических упражнений, то передвигаюсь вне строя.

Фарид по этому случаю изрекает:

– Быть на «больничке» в армейских условиях – это общепризнанный кайф. Кроме того, это пребывание приносит ещё неплохие дивиденды.

– Какие дивиденды могут быть у «колченого» солдата?

– А ты разве забыл о вашей с Люсией свадьбе? Если бы «колченогий» солдат не явился перед обличем девушки со словами любви, то кто его знает, как бы повернула его судьба. В общем, ты удачно «даванул» (сленг) на жалость, – смеётся задорно Фарид.

В тот момент, когда мы ведём с ним разговор о дивидендах, я даже не предполагал, что через два месяца судьба ещё раз испытает меня на прочность духа.

По батальону прокатывается слух, что командование в очередной раз решает отличиться в Вооружённых Силах физической подготовленностью своих курсантов. Для своих амбициозных планов оно вновь выбирает нашу роту.

То, что выбрали вновь нашу роту, никого не удивляет. Нас с первого курса нещадно гоняют на кроссах и лыжных гонках. Ежедневная физическая зарядка обязательно включает бег на дистанцию не менее одного километра весной, летом, осенью и шестикилометровую лыжную пробежку зимой. В выходные и праздничные дни обязательными являются кросс на один или три километра и лыжная гонка на десять километров.

На втором курсе наши командиры идут дальше. Они вводят негласное правило: в увольнение идёт только тот, кто выполняет разрядную норму. Это, несомненно, приносит свои плоды – рота занимает третье место по лыжным гонкам в вооружённых силах СССР на приз газеты «Красная звезда».

На третьем курсе рота уже занимает первое место в вооружённых силах страны. Офицеры батальона получают внеочередные звания, различного рода поощрения, зарабатывают себе право на учёбу в военной академии.

А во что обходятся эти «упражнения на свежем воздухе» в отсутствие элементарного медицинского контроля здоровью курсантов, командование не интересует. В основе их действий лежит простой армейский принцип «надо!», который нещадно ими эксплуатируется в собственных интересах. Курсанты же, в доверок к своему диплому, как минимум, приобретают гипертонию.

Слышу крик дежурного по роте, извещающего о том, что мне нужно зайти к командиру роты. Захожу в канцелярию и докладываю «кэпу» о своём прибытии.

– Семён, как твоё колено? – с порога спрашивает капитан.

– Гораздо лучше, – не чувствуя подвоха, отвечаю я.

– Ты же знаешь, что в воскресенье у нас гонка на первенство вооружённых сил?

– Да, знаю.

– Так вот, в гонке ты тоже должен принять участие.

– Как? Но мне врачи..., – пытаюсь сказать я ему, что врачи рекомендовали не нагружать мне колено.

– Понимаешь, Семён, твоё неучастие в гонке принесёт штрафные баллы, которые не позволят роте занять первое место в вооружённых силах. На тебе лежит вся ответственность за гонку.

Неплохо он меня грузит, – возмущаюсь я в душе.

– Хорошо, я побегу, – соглашаюсь неожиданно для себя я. – Но, товарищ капитан, вы же понимаете, это будет худший результат в роте...

– Семён, надо пробежать так, чтобы он не был худшим, ведь у тебя второй взрослый разряд! Постарайся! – вбрасывает в меня «кэп» очередной свой призыв, и я, ошалевший, выхожу из канцелярии.

У дверей канцелярии меня поджидает Фарид, на его лице написана тревога.

– Что случилось? Почему тебя вызвали в канцелярию?

– Меня «кэп» толкает на подвиг. Говорит, чтобы я бежал десятку.

– Он что, охренел?

– Вряд ли. Он говорит, что за моё неучастие в гонке будут штрафные баллы, и рота не займёт первое место, и тогда всё не имеет смысла.

– Ну, и каким будет твоё решение?

– Придётся бежать, а то он мне организует распределение в Туркестан.

– Но, как ты побежишь? Это же гонка на десять километров...

– Обмотаю колено эластичным бинтом, надену на него наколенник сверху, и хрен с ним, – отрешённо говорю я.

Наступает день соревнований. К месту проведения лыжной гонки идём походным строем. Всматриваюсь вдаль. С приближением к лесу очертания деревьев и кустов становятся всё более чёткими. Видимо, погода будет тёплая и безветренная, как перед снегопадом или оттепелью, а это значит, что с мазью я, скорее всего, угадал. Мне не очень-то хочется убирать смазку, наложенную в казарме, и накладывать новую. Впрочем, обольщаться не стоит, погода бывает часто непредсказуемой, менять смазку порой приходилось за несколько минут до старта.

Всё-таки как хорошо зимой в лесу! – восторженно отзывается в моём сознании. И дышится легко, и так приятно! Удивительно, но я уже соскучился по природе, по зимнему лесу, по лыжной трассе.

Первая сотня метров сразу даёт понять, что движение с травмированным коленом изматывает меня на первых же километрах. Иду последним, вижу виднеющиеся вдали спины своих товарищей, стараюсь не думать о своём колене. Просто иду, и всё!

Солнце, только что ослеплявшее мне глаза, неожиданно скрывается в облаках и сразу становится холоднее, поднимается позёмка, которая бьёт меня жёсткими хлопьями снега по лицу и заставляет наклонять голову навстречу ветру.

Холод, овладев моим разгорячённым телом, сбивает темп гонки. При этом мозг назойливо начинает прогнозировать сценарии дальнейшего моего участия в гонке, их два: я схожу с дистанции, и я прихожу последним. И тот и другой сценарии являются для меня безрадостными. Я ощущаю себя заложником обстоятельств.

Заканчивай гонку, ты же болен! – настойчиво стучит в моё сознание предательская мысль.

Просто упади! Всем будет понятно, что ты не мог дальше бежать. Усилим воли гоню эту мысль прочь и, стиснув зубы, ускоряю темп. Бросаю взгляд на часы – половина дистанции пройдена! Это обстоятельство придаёт мне силы, и я резче работаю руками. Я чувствую, как они от физической нагрузки немеют.

Неожиданно для себя, за поворотом вижу спины своих товарищей, идущих последними на лыжне. Вновь прибавляю ход, продолжаю усиленно работать лыжными палками, в результате обхожу их и устремляюсь вперёд.

Измученное колено взывает к состраданию, оно вконец расхлябалась в суставе, а правую ногу от чрезмерного напряжения начинает сводить судорогой. Я смотрю на часы – финиш где-то рядом. Снова вижу спины курсантов, идущих впереди меня. Настигаю их и сажусь им «на хвост» с задачей удержаться, во что бы это ни стало. Стискиваю от боли зубы, и не щадя себя, бросаю измученное тело снова вперёд...

Впереди слышатся звуки марша военного оркестра. До финиша остаётся сто метров! Делаю последние скольжения и падаю за финишной чертой головой вперёд...

Ко мне подбегают «кэп» с командиром взвода и поднимают на ноги, снимают с меня лыжи и ведут в медицинскую палатку.

– Молодец, Семён! Ты настоящий мужик! Пробежал по норме третьего спортивного разряда по лыжам, – слышу их хвалебные возгласы.

Усталость грозит разорвать моё тело на части. Мне наливают сладкий чай. Врач, в звании старшего лейтенанта, осматривает моё опухшее колено и покачивает при этом головой.

– Его нужно срочно в медсанчасть, – говорит он моему «кэпу». – Он у вас сумасшедший, колено только, что оперировано, а он на лыжную гонку подался.

– Нет, он не сумасшедший, он просто мужик..., – говорит ротный.

– Видимо, да, – соглашается с ним врач, глядит на меня и качает головой...

Училище в полном составе стоит на плацу по случаю объявления приказа министра обороны, которым доводятся результаты первенства Вооружённых сил СССР по ежегодным лыжным гонкам на приз газеты «Красная звезда». Наш седоволосый генерал-майор громогласным голосом зачитывает приказ министра:

– Первое место по лыжной гонке на десять километров в первенстве Вооружённых сил СССР занимает пятая рота второго батальона Тюменского высшего военно-инженерного командного училища...

Строй протяжно кричит:

– Ура-ура-ура!

Затем он озвучивает свой приказ о награждении наиболее отличившихся офицеров и курсантов батальона по результатам лыжной гонки. И тут я слышу, как генерал называет мою фамилию.

– Я громко отвечаю: «Я».

– Следует команда «Выйти из строя!».

Я выхожу, и генерал вновь награждает меня ценным подарком, но в этот раз часами московского часового завода «Слава».

## Часть вторая

### Глава первая

В военно-инженерном командном училище, в котором я отучился четыре года, наконец-то наступает долгожданный день – «Выпускной»!

Мимо трибуны, на которой находятся командование училища и нашего батальона, а также почётные гости, мы проходим стройными шеренгами в парадной офицерской форме, отчаянно стуча в последний раз по бетонному основанию строевого плаца новыми хромовыми ботинками.

Косым взором отыскиваю в толпе многочисленных гостей, Люсию с огромным букетом орхидей. Сердце громко бьётся в груди. Ещё бы! Самая красивая девушка ожидает меня. Скоро у нас свадьба. Кольца куплены, свадебное платье сшито. Отгуляем, а потом служба на границе!

Несмотря на то, что моя военная профессия – сапёр, я, тем не менее, распределён не в инженерные части Советской армии, а в пограничные войска КГБ при Совете Министров СССР. Служить буду на Дальнем Востоке, потому как обстановка на китайско-советской границе по-прежнему остаётся беспокойной.

Ещё недавно я с негодованием в сердце читал в прессе обжигающие репортажи о вероломном нападении китайских хунвейбинов на наших пограничников на острове Даманском в Приморье и зверских надругательствах, учинённых ими над телами погибших воинов, а теперь вот и сам еду служить на советско-китайскую границу.

Что я знал о тех событиях четырёхлетней давности, произошедших в год моего поступления в военное училище?

Знал я, что в марте 1969 года мутный и холодный лёд на реке Уссури был обильно окроплен кровью пограничников заставы «Нижне-Михайловка», которых китайцы коварно расстреляли из-за засады. Тридцать один «погранец», так с любовью называли пограничников местные жители, а потом уже и вся страна, пали сражёнными насмерть от пуль китайских провокаторов и ещё двадцать были ранены.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.